

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Виктор Гюго

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ
СМЕЕТСЯ

« А З Б У К А »

Иностранная литература. Большие книги

Виктор Мари Гюго

Человек, который смеется

«Азбука»

1869

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гюго В.

Человек, который смеется / В. Гюго — «Азбука»,
1869 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24405-4

Один из самых знаменитых романов Виктора Гюго «Человек, который смеется», наряду с «Отверженными» и «Собором Парижской Богоматери», безусловно, является одним из шедевров французской литературы XIX века. Кажется, в нем есть все: атмосфера тайны, великолепные страницы, посвященные английской истории, кораблекрушение, ребенок, брошенный при загадочных обстоятельствах, безжалостные разбойники, странный документ, найденный в запечатанной бутылке на морском берегу, слепая красавица, мизантроп-благодетель, ручной волк и романтический герой (влияние его образа на искусство последующего времени трудно переоценить, достаточно вспомнить, например, Джокера с его жуткой ухмылкой). Внешность Гуинплена ужасна: «рот, открывающийся до ушей», бесформенный нос и лицо, «на которое нельзя было взглянуть без смеха», однако его жизненный путь, полный невероятных приключений, не оставит равнодушным ни одного читателя. В настоящем издании роман сопровождается великолепными иллюстрациями французских художников Жоржа Рошгросса и Даниэля Вьерхе.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24405-4

© Гюго В., 1869

© Азбука, 1869

Содержание

Часть I	9
Две предварительные главы	9
I	9
II	26
Книга первая	38
I	38
II	42
III	44
IV	49
V	50
VI	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Гюго
Человек, который смеется

Victor Hugo
L'HOMME QUI RIT

Оформление обложки Андрея Саукова
Иллюстрации Жоржа Рошгросса и Даниэля Вьерхе
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

* * *

В Англии все величественно, даже дурное, даже олигархия. Английский патрициат – патрициат в полном смысле этого слова. Нигде не существовало феодального строя более блестящего, более жестокого и более живучего, чем в Англии. Правда, в свое время он был полезен. Именно в Англии надо изучать феодальное право, подобно тому как королевскую власть надо изучать во Франции.

Книгу эту, собственно, следовало бы озаглавить «Аристократия». Другую книгу, которая явится ее продолжением, можно будет назвать «Монархия». Обе они, если только автору суждено завершить этот труд, послужат введением в третью, которая замкнет собой весь цикл и будет озаглавлена «Девяносто третий год».

Отвиль-Хауз, апрель 1869 г.

Часть I Море и ночь

Две предварительные главы

I Урсус

1

Урсус и Гомо были связаны узами тесной дружбы. Урсус был человек, Гомо – волк¹. Правом они очень подходили друг к другу. Человек окрестил волка. Вероятно, он же придумал и свое прозвище; найдя для себя подходящим имя «Урсус», он счел имя «Гомо» вполне подходящим для зверя. Содружество человека и волка пользовалось успехом на ярмарках, на приходских праздниках, на уличных перекрестках, где толпятся прохожие; толпа всегда рада послушать балагура и закупить всяких шарлатанских снадобий. Ей нравился ручной волк, ловко, без принуждения исполнявший приказания своего хозяина. Это большое удовольствие – видеть укрощенного строптивца, и нет ничего приятней, чем наблюдать все разновидности дрессировки. Вот почему бывает так много зрителей на пути следования королевских кортежей.

Урсус и Гомо переходили с перекрестка на перекресток, с площадей Абериствита на площади Джеббурга, из одной местности в другую, из графства в графство, из города в город. Исчерпав все возможности на одной ярмарке, они отправлялись на другую. Урсус жил в балагане на колесах, который Гомо, достаточно вышколенный для этого, возил днем и стерег ночью. Когда дорога становилась трудной из-за рытвин, грязи или при подъемах в гору, человек впрягался в лямку и по-братски, бок о бок с волком, тащил возок. Так они вместе и состарились.

На ночлег они располагались где придется: среди невспаханного поля, на лесной прогалине, у скрещения нескольких дорог, у деревенской околицы, у городских ворот, на рыночной площади, в местах народных гуляний, на окраине парка, на церковной паперти. Когда возок останавливался на какой-нибудь ярмарочной площади, когда с разинутыми ртами сбегались кумушки и вокруг балагана собирался кружок зевак, Урсус принимался разглагольствовать, и Гомо с явным одобрением слушал его. Затем волк учтиво обходил присутствующих с деревянной чашкой в зубах. Так зарабатывали они себе на пропитание. Волк был образован, человек тоже. Волк был научен человеком, а может быть, научился сам всяким волчьим фокусам, которые повышали сбор.

¹ Урсус – медведь, Гомо – человек (лат.).

– Главное, не выродись в человека, – дружески говаривал ему хозяин.

Волк никогда не кусался, с человеком же это порою случалось. Во всяком случае, Урсус имел поползновение кусаться. Урсус был мизантроп и, чтобы подчеркнуть свою ненависть к человечеству, сделался фигляром. Да и надо же было как-нибудь прокормиться, ибо желудок неизменно предъявляет свои права. Кроме того, желая проявить себя, а быть может, и погубить, этот мизантроп и скоморох стал лекарем. Да что там лекарем! Урсус был еще и чревовещателем. Он умел говорить, не шевеля губами. Он мог ввести в заблуждение окружающих, с изумительной точностью копируя голос и интонации любого из них. Он один подражал гулу целой толпы, что давало ему право на звание «энгастримита». Он так себя и величал. Урсус

воспроизводил птичьи голоса: голос певчего дрозда, чирка, жаворонка, белогрудого дрозда – таких же скитальцев, как и он; благодаря этому своему таланту он мог по желанию в любую минуту вызвать у вас впечатление то площади, гудящей народом, то луга, оглашаемого мычанием стада; порою он бывал грозен, как рокочущая толпа, порою детски безмятежен, как утренняя заря. Такое дарование хотя и редко, но все же встречается. В прошедшем столетии некто Тузель, подражавший слитному гулу людских и звериных голосов и воспроизводивший крики всех животных, состоял при Бюффоне² в качестве человека-зверинца. Урсус был проницателен, крайне своеобразен и любознателен. Он питал склонность ко всяким рассказам, которые мы называем баснями, и притворялся, будто сам верит им, – обычная хитрость лукавого шарлатана. Он гадал по руке, по раскрытой наудачу книге, предсказывал судьбу, объяснял приметы, уверял, что встретить черную кобылу – к несчастью, но что еще опаснее услышать, когда ты уже совсем готов в дорогу, вопрос: «Куда собрался?» – и называл себя «продавцом суеверий». «Я этого не скрываю, – говорил он, – вот в чем разница между архиепископом Кентерберийским и мной». Архиепископ, справедливо возмущенный этими словами, однажды вызвал его к себе. Однако Урсус искусно обезоружил его высокопреосвященство, прочитав собственного сочинения проповедь на день Рождества Христова, которая так понравилась архиепископу, что он выучил ее наизусть, произнес в храме и велел напечатать как свое произведение. За это он даровал Урсусу прощение.

Благодаря своему искусству врачевателя, а может быть, и вопреки ему, Урсус исцелял больных. Он лечил ароматическими веществами. Хорошо разбираясь в лекарственных травах, он умело пользовался огромными целебными силами, заключенными во множестве всеми пренебрегаемых растений: в гордовине, в белой и вечнозеленой крушине, в черной калине, бородавнике, в рамене; он лечил от чахотки росянкой; пользовался, по мере надобности, листьями молочая, которые, будучи сорваны у корня, действуют как слабительное, а сорванные у верхушки – как рвотное; исцелял горловые болезни при помощи наростов растения, именуемого «заячьим ушком»; знал, каким тростником можно вылечить быка и какой разновидностью мяты можно поставить на ноги больную лошадь; знал все ценные, благотворные свойства мандрагоры, которая, как всем известно, является растением двуполым. У него были лекарства на разные случаи. Ожоги он исцелял кожей саламандры, из которой у Нерона, по словам Плиния³, была сделана салфетка. Урсус пользовался ретортой и колбой; он сам производил перегонку и сам же продавал универсальные снадобья. Ходили слухи, будто он даже сидел в сумасшедшем доме; ему оказали честь, приняв его за умалишенного, но вскоре выпустили на свободу, удивившись, что он всего-навсего поэт. Возможно, этого и не было: каждый из нас бывал жертвой подобных рассказов.

В действительности Урсус был грамотеем, любителем прекрасного и сочинителем латинских виршей. Он обладал знаниями в двух областях, ибо шел по стопам и Гиппократ, и Пиндара⁴. В знании поэтического ремесла он мог бы состязаться с Рапеном и с Видой⁵. Он мог бы сочинять иезуитские трагедии не менее удачно, чем отец Бугур. Благодаря близкому знакомству с прославленными ритмами и размерами древних Урсус в своем обиходе пользовался ему одному свойственными образными выражениями и целым рядом классических метафор. О матери, впереди которой шествовали две дочери, он говорил: «Это дактиль»; об отце, за кото-

² Жорж Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) – французский натуралист, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века.

³ Нерон (37–68 н. э.) – римский император с 54 года. Плиний Старший (между 22 и 24–79 н. э.) – древнеримский писатель, автор «Естественной истории».

⁴ Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 до н. э.) – древнегреческий целитель, врач и философ. Пиндар (522/518–448/438 до н. э.) – один из известнейших поэтов Древней Греции.

⁵ Николя Рапен (1535–1608) – французский поэт. Марк Иероним Вида (ок. 1490–1566) – итальянский поэт, епископ города Альбы.

рым шли два его сына: «Это анапест»; о внуке, шагавшем между дедом и бабушкой: «Это амфи-макр». При таком обилии знаний можно жить только впроголодь. Салернская школа⁶ рекомендует: «Ешьте мало, но часто». Урсус ел мало и редко, выполняя таким образом лишь первую половину предписания и пренебрегая второй. Но это уж была вина публики, которая собиралась не каждый день и покупала не слишком часто. Урсус говорил: «Отхаркнешься поучительным изречением – станет легче. Волк находит утешение в вое, баран – в теплой шерсти, лес – в малиновке, женщина – в любви, философ же – в поучительном изречении». Урсус по мере надобности кропал комедии, которые сам же с грехом пополам и разыгрывал: это помогало продавать снадобья. В числе других творений он сочинил героическую пастораль в честь рыцаря Хью Миддлтона, который в 1608 году провел в Лондон речку. Эта речка спокойно протекала в шестидесяти милях от Лондона, в графстве Гартфорд; явился рыцарь Миддлтон и завладел ею; он привел с собою шестьсот человек, вооруженных заступами и мотыгами, стал рыть землю, понижая грунт в одном месте, повышая в другом, иногда подымая речку на двадцать футов, иногда углубляя ее русло на тридцать футов, соорудил из дерева наземные водопроводы, построил восемьсот мостов, каменных, кирпичных и бревенчатых, и вот в одно прекрасное утро речка вступила в пределы Лондона, который испытывал в то время недостаток в воде. Урсус преобразил эти прозаические подробности в прелестную буколическую сцену между Темзой и речкой Серпентайн. Мощный поток приглашает к себе речку, предлагая ей разделить с ним ложе. «Я слишком стар, – говорит он, – чтобы нравиться женщинам, но достаточно богат, чтобы оплачивать их». Это был остроумный и галантный намек на то, что сэр Хью Миддлтон произвел все работы за свой счет.

Урсус мастерски владел монологом. Будучи нелюдимым и вместе с тем словоохотливым, не желая никого видеть, но испытывая потребность поговорить с кем-нибудь, он выходил из затруднения, беседуя сам с собою. Кто жил в уединении, тот знает, до какой степени человеческой природе свойствен монолог. Слово, звучащее внутри нас, вызывает своего рода зуд. Обращаясь в пространство, мы как бы открываем предохранительный клапан. Разговор вслух наедине с собой производит впечатление диалога с Богом, которого мы носим в себе. Таково, как всем известно, было обыкновение Сократа. Он произносил речи перед самим собой. Точно так же поступал и Лютер. Урсус брал пример с этих великих мужей. Он обладал способностью раздваиваться, становясь своей собственной аудиторией. Он задавал себе вопросы и сам отвечал на них; он то превозносил себя, то осыпал оскорблениями. С улицы слышно было, как он один ораторствует в своем возке. Прохожие, у которых есть свое мерило для оценки незаурядных людей, говорили: «Вот идиот!» По временам, как мы только что сказали, Урсус бранил самого себя, но бывали минуты, когда он отдавал себе должное. Как-то в одной из таких кратких речей он с гордостью воскликнул: «Я изучил растение во всех его тайнах, я изучил стебель, почку, чашелистики, лепесток, тычинку, завязь, семяпочку, бурачок, спорангий и апотеций. Я постиг хромацию, осмосию и химосию – иными словами, образование цвета, запаха и вкуса». В этом аттестате, который Урсус выдавал Урсусу, была, несомненно, некая доля бахвальства, но пусть первый бросит в него камнем тот, кто не постиг хромации, осмосии и химосии.

К счастью, Урсус никогда не бывал в Нидерландах. Там его, без сомнения, взвесили бы, чтобы определить, обладает ли он должным весом, избыток или недостаток которого свидетельствует о том, что человек – колдун. В Голландии этот должный вес был мудро установлен законом. Это было удивительно просто и остроумно. Вас клали на чашу весов – и все сразу становилось ясным: если вы оказывались слишком тяжелым, вас вешали, если слишком легким – сжигали. Еще и теперь можно видеть в Аудеватере весы для взвешивания колдунов, но в наши дни на этих весах взвешивают сыр, – вот как выродилась религия! Тощему Урсусу, пожалуй,

⁶ Салернская врачебная школа – возникшая в IX веке в итальянском городе Салерно медицинская школа.

не поздоровилось бы от такого взвешивания. В своих странствиях он избегал Голландии — и хорошо делал. Впрочем, он, по-видимому, не покидал пределов Англии.

Как бы то ни было, Урсус, человек очень бедный и притом сурового нрава, завязав в лесу знакомство с Гомо, почувствовал влечение к бродяжничеству. Он взял волка себе в товарищи и стал скитаться с ним по дорогам, живя на вольном воздухе жизнью, полной неожиданностей. Урсус был человеком изобретательным, себе на уме, весьма искусным во врачебном деле и великим мастером на всякие фокусы. Он пользовался славой хорошего лекаря и хорошего фигляра; само собою разумеется, что его считали и чародеем, но лишь отчасти, ибо прослыть приятелем черта было в ту пору небезопасно. Говоря по правде, Урсус своим пристрастием к фармакопее и лекарственным растениям мог навлечь на себя подозрение, так как часто уходил собирать травы в угрюмые, непролазные чащи, где произрастает салат Люцифера и где, как это установил советник д'Анкр, рискуешь встретить в вечернем тумане вышедшего из-под земли

человека, «кривого на правый глаз, без плаща, со шпагой на боку и совершенно босого». Но при всех странностях своего характера Урсус был слишком добропорядочным, чтобы насылать град, вызывать привидения, вихрем пляски замучить человека насмерть, внушать безмятежные или, напротив, печальные и полные ужасов сны и заклинаниями выводить из яиц четырехкрылых петухов, – подобных проделок за ним не водилось. Он был не способен на такие мерзости, как, например, говорить по-немецки, по-древнееврейски или по-гречески, не изучив этих языков, что является признаком либо гнусного коварства, либо природной болезни, вызываемой меланхолией. Если Урсус изъяснялся по-латыни, то только потому, что знал ее. Он не позволил бы себе говорить по-сирийски, так как не знал этого языка; кроме того, доказано, что сирийский язык – язык ведьм. В медицине Урсус не без основания отдавал предпочтение Галену перед Кардано⁷, ибо Кардано, при всей своей учености, жалкий червь по сравнению с Галеном.

В общем, Урсус не принадлежал к числу лиц, которых часто тревожит полиция. Его возок был достаточно длинен и широк, чтобы он мог лежать в нем на сундуке, хранившем его не слишком роскошные пожитки. Он был обладателем фонаря, нескольких париков, кое-какой утвари, развешенной на гвоздях, а также музыкальных инструментов. Кроме того, у него была медвежья шкура, которую он напяливал на себя в дни больших представлений; он называл это «облачаться в парадный костюм». «У меня две шкуры; вот эта – настоящая», – говорил он и указывал на медвежью шкуру. Передвижной балаган принадлежал ему и волку. Кроме возка, реторты и волка, у него были флейта и виола да гамба, на которых он неплохо играл. Он сам изготовлял эликсиры. Все эти таланты иногда давали ему возможность поужинать. В потолке его лачуги было отверстие, через которое проходила труба чугунной печки, стоявшей почти вплотную к сундуку, так что деревянная стенка его даже слегка обуглилась. В печке было два отделения: в одном из них Урсус варил свои специи, в другом – картошку. По ночам волк, дружеской рукой посаженный на цепь, спал под возком. Гомо был черен, Урсус сед; Урсусу было лет пятьдесят, если не все шестьдесят. Его покорность человеческой судьбе была такова, что он, как выше упомянуто, питался картофелем, который в ту пору считался поганой пищей, годной лишь для свиней да каторжников. Он ел его, негодуя, но подчиняясь своей участи. Ростом он был невысок, но казался долговязым. Он горбился и был всегда задумчив. Согбенная спина старика – это груз прожитых лет. Урсусу на роду было написано быть печальным. Ему стоило труда улыбнуться и никогда не удавалось заплакать. Он не умел находить утешение в слезах и временное облегчение в веселье. Старик – это не что иное, как мыслящая развалина. Урсус и был такой развалиной. Краснобайство шарлатана, худоба пророка, воспламеняемость заряженной мины – таков был Урсус. В молодости он жил в качестве философа у одного лорда.

Все это происходило сто восемьдесят лет назад, в те времена, когда люди были немного более волками, чем в наши дни.

Впрочем, не намного.

2

Гомо не был обыкновенным волком. Судя по тому, как он набрасывался на кизил и на яблоки, его можно было принять за степного волка; темной окраской шерсти он походил на гиену, а воем, постепенно переходившим в лай, напоминал чилийскую дикую собаку, но глаза этого животного еще недостаточно изучены, и, может быть, оно есть лишь разновидность лисицы, между тем как Гомо был настоящим волком. Длина его равнялась пяти футам, а это немалый рост для волка даже в Литве; он был очень силен; смотрел он исподлобья, но это

⁷ Гален (129 – ок. 216) – древнеримский медик и философ греческого происхождения. Джероламо Кардано (1501–1576) – итальянский математик, философ и врач.

нельзя было ставить ему в вину; язык у него был мягкий, и он иногда лизал Урсуса; по спинному хребту у него щетинилась узкая полоска короткой шерсти; он был тощ, но это была здоровая худоба лесного зверя. До своего знакомства с Урсусом, когда ему не приходилось еще таскать возок, он без труда пробегал по сорок лье за ночь. Урсус, натолкнувшись на волка в чаще на берегу ручья, проникся к нему уважением, увидев, как он умно и осторожно ловит раков, и с удовлетворением признал в нем отличный экземпляр подлинного гвианского волка – купара, из породы так называемых собак-ракоедов.

Урсус предпочитал Гомо ослу в качестве выючного животного. Ему было бы неприятно заставлять осла тащить возок; он слишком уважал это животное. К тому же он заметил, что осел, этот не понятый людьми четвероногий мечтатель, имеет неприятное обыкновение настораживать уши, когда философы изрекают какие-нибудь глупости. Между нами и нашей мыслью осел оказывается, таким образом, лишним свидетелем, а это стеснительно. В качестве друга Урсус предпочитал Гомо и собаке, так как полагал, что волку дружба с человеком дается труднее.

Вот почему Урсус довольствовался обществом Гомо. Гомо был для него больше чем другом – он был его подобием. Похлопывая волка по впалым бокам, Урсус говорил: «Я нашел свое второе издание».

Еще он говорил: «Когда я умру, всякому, кто пожелает получить представление обо мне, надо будет только изучить Гомо. Я оставлю его потомству в качестве моей вернейшей копии».

Английский закон, не слишком мягкий по отношению к хищным зверям, мог бы придраться к этому волку и притянуть его к ответу за смелость, с которой он свободно появлялся в городах; но Гомо пользовался неприкосновенностью, дарованной домашним животным одним из статутков Эдуарда IV. «Любое домашнее животное, – гласит этот статут, – может следовать куда угодно за своим хозяином». Кроме того, некоторое ослабление строгостей по отношению к волкам явилось результатом моды, распространившейся при последних Стюартах среди придворных дам, которые заводили вместо собак маленьких песцов, величиной с кошку, выписывая их за большие деньги из Азии.

Урсус передал Гомо часть своих талантов: научил его стоять по-человечьи, умерять свой гнев, заменяя его хмуростью, издавать глухое ворчанье вместо воя и так далее. А волк передал человеку часть волчьих познаний, научив его обходиться без крова, без хлеба, без огня и предпочитать голод в лесу рабству во дворце.

Возок Урсуса, своеобразная передвижная хижина, следовал в самых разных направлениях, не выходя, однако, за пределы Англии и Шотландии; он был установлен на четырех колесах и снабжен оглоблями для волка и лямкой для человека. Лямкой пользовались только при плохой дороге. Балаган был крепок, хотя и сколочен из тонких досок, обычно идущих на перегородки. Спереди у него была стеклянная дверь с маленьким балконом, своего рода кафедрой или трибуной, с которой Урсус произносил речи, сзади – глухая дверь с форточкой. Для входа в балаган, тщательно запиравшийся на ночь засовами и замками, служила откидная подножка в три ступеньки, прилаженная на шарнирах к внутренней стороне задней двери. Немало дождей и снега перевидал возок на своем веку. Когда-то он был окрашен, но теперь уже нельзя было установить, в какой именно цвет, ибо перемена погоды действует на дорожные возки точно так же, как смена царствований на придворных. Снаружи на стенке возка когда-то можно было разобрать надпись черными буквами по белому полю, постепенно расплывшуюся и стершуюся:

«Золото теряет ежегодно при переходе из рук в руки одна тысяча четырехсотую часть своего объема; это называется потерей в весе монеты; отсюда следует, что из миллиарда четырехсот миллионов золотом, находящихся в обращении на всем земном шаре, ежегодно пропадает один миллион. Это золото распыляется, улетучивается, носится в воздухе мельчайшим прахом, попадает в человеческие легкие, проникает в нашу совесть, приглушает, обременяет, отягчает ее, соединяется с душою богачей, которые становятся надменными, и с душою бедняков, которые ожесточаются».

Надпись эту, размытую дождями и стершуюся по милости провидения, к счастью, уже нельзя было прочесть, так как весьма вероятно, что это загадочное и вместе с тем довольно прозрачное рассуждение о золоте, проникающем в легкие, пришлось бы не по вкусу шерифам, проворам, маршалам и прочим носителям париков, стоящим на страже закона. Английское законодательство в ту пору шутить не любило. Быть жестоким считалось в порядке вещей. Беспощадность была исконным свойством судей, а жестокосердие – их второй натурой. Инквизиторы кишмя кишели. Джеффрис⁸ породил целое племя себе подобных.

3

Внутри возка были еще две надписи. Над сундуком, на дощатой, выбеленной известкой стене, было выведено от руки чернилами:

Единственное, что следует знать

Барон и пэр Англии носит на голове золотой обруч с шестью жемчужинами.

Право на корону начинается с виконта.

Виконт носит корону с неограниченным количеством жемчужин; граф – жемчужную корону, зубцы которой перемежаются с небольшими земляничными листьями; у маркиза – зубцы и листья на одном уровне; у герцога – одни зубцы, без жемчужин; у герцога королевской крови – обруч, составленный из крестов и лилий; у принца Уэльского корона такая же, как у короля, но незамкнутая.

Герцог именуется *светлейшим и могущественнейшим государем*; маркиз и граф – *высококоротным и могущественным владетелем*; виконт – *благородным и могущественным господином*; барон – *истинным господином*.

Обращение к герцогу – *ваша светлость*, к остальным пэрам – *ваша милость*.

Личность лорда неприкосновенна.

Пэры – это парламент и суд, *concilium et curia*, законодательство и правосудие.

Most honourable (высокопочтимый) значит больше, чем *right honourable* (досточтимый).

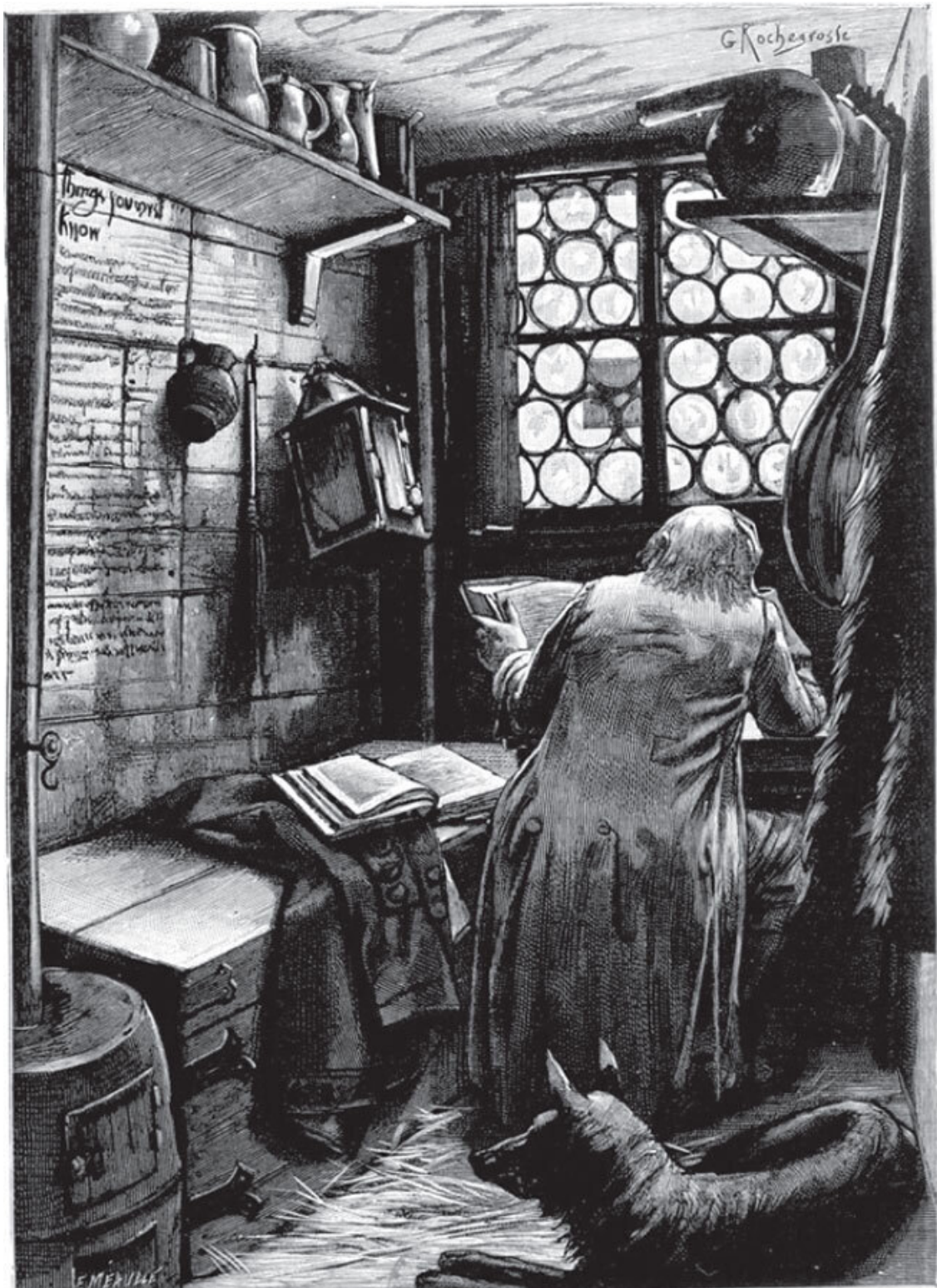
Лорды-пэры признаются *лордами по праву рождения*, лорды не пэры – *лордами из учтивости*; только пэры – настоящие лорды.

Лорд не приносит присяги ни королю, ни на суде. Достаточно одного его слова. Он говорит: *Завещаю своей честью*.

Члены палаты общин, представляющие народ, будучи вызваны в палату лордов, смиренно обнажают головы перед лордами, сидящими в головных уборах.

Палата общин представляет билли в палату лордов через депутацию из сорока членов, которые при вручении билля отвешивают три глубоких поклона.

⁸ Джордж Джеффрис (1645–1689) – английский государственный деятель, судья.

Лорды препровождают в палату общин свои билли через простого писца.

В случае разногласия между палатами они совместно совещаются в «расписном зале», причем пэры сидят в шляпах, а члены палаты общин стоят с непокрытой головой.

По закону, изданному Эдуардом VI, лорды пользуются привилегией непреднамеренного убийства. Лорд, убивший простолюдина, не подлежит судебному преследованию.

Бароны приравняются по рангу к епископам.

Чтобы быть бароном-пэром, надо получить от короля пожалование *per baroniam integram*, то есть полным баронским поместьем.

Полное баронское поместье состоит из тринадцати с четвертью дворянских ленов, каждый стоимостью в двадцать фунтов стерлингов, что составляет четьреста марок.

Баронский замок – *caput baroniae* – переходит по наследству на тех же основаниях, что и корона Англии, то есть переходит к дочерям лишь при отсутствии детей мужского пола и в таком случае достается старшей дочери; *caeteris filiabus aliunde satisfactis*⁹.

Бароны носят титул лорда, от саксонского *laford* (классическое латинское – *dominus* и вульгарное латинское – *lordus*).

Старшие и следующие за ними сыновья виконтов и баронов – первые эсквайры королевства.

Старшие сыновья пэров имеют преимущество перед кавалерами ордена Подвязки; младшие сыновья преимущества не имеют.

Старший сын виконта в процессии следует за баронами и впереди всех баронетов.

Дочь лорда – леди, прочие английские девицы – мисс.

Все судьи признаются ниже пэров. Сержант носит капюшон из шкуры ягненка; судьи – капюшон *de minuto vario* – из белых шкурок любых мелких зверей, кроме горностая. Горностай носят только пэры и король.

Против лорда не допускается *supplicavit*¹⁰.

Лорда нельзя посадить в обычную тюрьму. Он может быть заключен только в лондонский Тауэр.

Лорд, приглашенный в гости к королю, имеет право убить в королевском парке одну или две лани.

Лорду в его владениях предоставляется право баронского суда.

Выйти на улицу в мантии, взяв с собою для сопровождения только двух слуг, недостойно лорда. Он может появляться лишь с целой свитой приближенных дворян.

Пэры отправляются в парламент в каретах цугом; члены палаты общин этого права не имеют. Некоторые пэры отправляются в Вестминстер в открытых двухместных колясках. Украшенные гербами и коронами коляски и кареты разрешается иметь только лордам: это одна из их привилегий.

Лорд может быть приговорен к штрафу только лордами, и притом в размере не свыше пяти шиллингов, исключение составляет герцог, которого можно оштрафовать на десять шиллингов.

Лорд может иметь у себя в доме шесть иностранцев. Всякий другой англичанин – только четырех.

Лорд может беспошлинно держать у себя в погребе восемь бочек вина.

Только лорд не подлежит явке к окружному шерифу.

Лорд не облагается податью на содержание войска.

Когда это угодно лорду, он на свои средства набирает полк и предоставляет его в распоряжение короля; так поступают их светлости герцог Атольский, герцог Гамильтон и герцог Нортумберлендский.

Лорд может быть судим только лордами.

В гражданских делах он может требовать пересмотра и отмены решения, если в составе суда не было по крайней мере одного дворянина.

Лорд сам назначает своих капелланов.

⁹ Это значит: остальных дочерей обеспечивают по мере возможности. (Примечание Урсула рядом, на стене.)

¹⁰ Здесь: мольба (лат.). Так называлась жалоба королю.

Барон назначает трех капелланов, виконт – четырех, граф и маркиз – пять, герцог – шесть.

Лорд не может быть подвергнут пытке даже при обвинении в государственной измене.

Лорд не может быть заклеимен палачом.

Лорд всегда считается ученым человеком, даже если он не умеет читать. Он грамотен по праву рождения.

Герцог появляется под балдахином всюду, за исключением тех мест, где присутствует король; виконт имеет балдахин у себя дома; у барона есть кубок с крышкой для пробы вина, крышку слуга держит под кубком, пока барон пьет; баронесса в присутствии виконтессы имеет право пользоваться услугами одного человека для ношения шлейфа.

Восемьдесят шесть лордов или старших сыновей лордов занимают председательские места за восемьюдесятью шестью столами на пятьсот приборов каждый, накрываемыми ежедневно в королевском дворце за счет округа, в которой расположена королевская резиденция.

Простолюдину, ударившему лорда, отсекают кисть руки.

Лорд почти то же, что король.

Король почти то же, что Бог.

Вся земля – собственность лордов.

Англичане, обращаясь к Богу, называют его «милорд».

Против этой надписи можно было прочесть другую, написанную таким же способом. Вот она:

Утешение, которым должны довольствоваться те, кто ничего не имеет

Генри Оверкерк, граф Грентэм, заседающий в палате лордов между графом Джерси и графом Гриничем, имеет сто тысяч фунтов стерлингов ежегодного дохода. Его милости принадлежит мраморный дворец Грентэм-Террас, знаменитый своим лабиринтом коридоров, представляющим собою настоящую достопримечательность. В этом дворце есть алый коридор из сарранколинского мрамора, коридор из астраханской лумачеллы, белый – из ланкийского мрамора, черный – из алабандского мрамора, серый – из старемского мрамора, желтый – из гессенского мрамора, зеленый – из тирольского, красный – наполовину из крапчатого богемского мрамора, наполовину из кордовской лумачеллы, темно-синий – из генуэзского мрамора, фиолетовый – из каталонского гранита, траурный – из сланцев Мурвиетро с белыми и черными прожилками, розовый – из альпийского циполина, жемчужный – из нонетской лумачеллы и разноцветный коридор, называемый «придворным», – из пестрой брекчии.

Ричард Лаутер, виконт Лонсдейл, имеет в Уэстморленде замок Лаутер; необыкновенно пышный подъезд этого замка как бы приглашает королей посетить его.

Ричард, граф Скарборо, виконт и барон Лэмл, виконт Уотерфорд в Ирландии, лорд-лейтенант и вице-адмирал графства Нортумберлендского, графства Дерхемского с одноименным городом, владеет двумя замками в Стэнстед, старым и новым, где всеобщее внимание привлекает великолепная решетка, охватывающая полукругом бассейн с фонтаном необычайной красоты. Сверх того ему принадлежит замок в Лэмл.

Роберту Дарси, графу Холдернесу, принадлежит родовой замок Холдернес с баронскими башнями и огромным французским парком, где он совершает прогулки в карете, запряженной шестеркой лошадей, с двумя фореиторами, как и подобает пэру Англии.

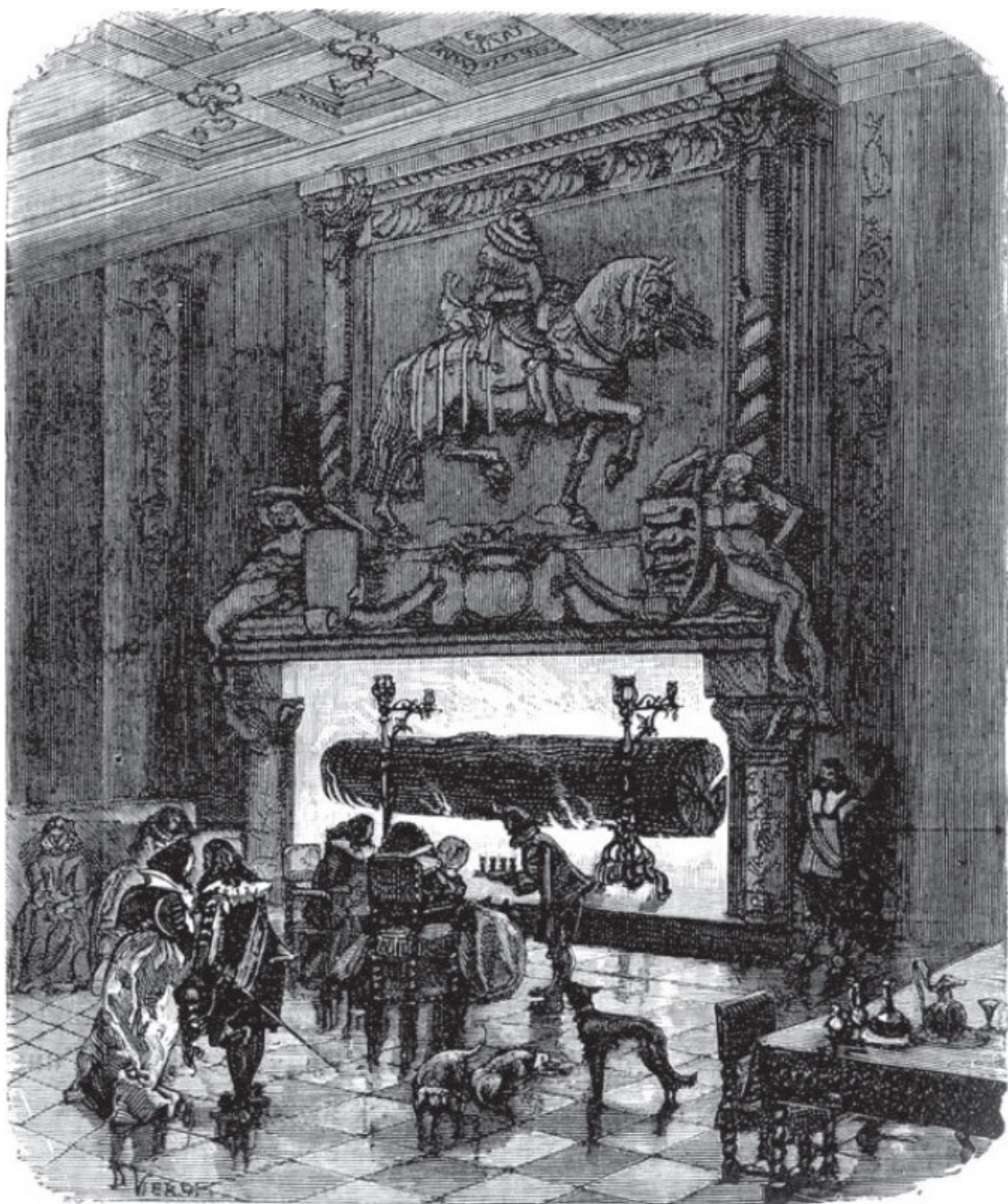
Чарльз Боклерк, герцог Сент-Олбенс, граф Барфорд, барон Хеддингтон, первый сокольник Англии, рядом с королевским дворцом в Виндзоре владеет дворцом, нисколько не проигрывающим от этого соседства.

Чарльз Бодвилл, лорд Робертс, барон Труро, виконт Бодмин, владеет в Кембридже поместьем Уимпл, где выстроены три дворца с тремя фронтонами, из коих один – в виде арки, а два – треугольные. Въездная аллея обсажена четырьмя рядами деревьев.

Высокородный и могущественный лорд Филипп Герберт, виконт Кардиф, граф Монтгомери, граф Пемброк, пэр и владелец Кендола, Мармиона, Сент-Квентина и Чарленда, смотритель прудов в графствах Корнуэлле и Девоне, наследственный наблюдатель коллегии Иисуса, является собственником чудесного Уилстонского сада, в котором есть два фонтана, превосходящие красотой версальские фонтаны христианнейшего короля Людовика XIV.

Чарльз Сеймур, герцог Сомерсетский, владеет на Темзе виллой Сомерсет-Хауз, ничем не уступающей вилле Памфили в Риме. На величественном камине обращают на себя внимание две китайские фарфоровые вазы эпохи Юаньской династии, оцениваемые в полмиллиона на французские деньги.

В Йоркшире Артур, лорд Ингрэм, виконт Ирвинг, владеет дворцом Темпл-Ньюхем, к которому подъезжают через триумфальную арку; широкие и плоские крыши этого дворца похожи на мавританские террасы.

Роберту, лорду Феррес-Чартли, Борчиру и Ловену, принадлежит в Лестершире замок Стаунтон-Гарольд с парком, имеющим форму храма с фронтоном; большая церковь с четырехугольной колокольной, высящаяся на берегу пруда, входит в состав поместья.

В графстве Нортгемптон Чарльз Спенсер, граф Сандерленд, член тайного совета его величества, владеет поместьем Олтроп, в которое въезжают через кованые железные ворота на четырех столбах, украшенных мраморными группами.

Лоуренсу Хайду, графу Рочестеру, принадлежит в Серрее поместье Нью-Парк, с замком, украшенным художественно изваянным акротерием¹¹, с обсаженными деревьями круглой лужайкой и дубравами, на опушке которых высится искусно закругленный холм, увенчанный большим, издали видимым дубом.

¹¹ *Акротерий* – в классической архитектуре название элементов, венчающих здание, расположенных на стене выше карниза.

Филипп Стенхоп, граф Честерфилд, владеет в Дербишире поместьем Бредби, в котором есть великолепный павильон с часами, соколиный двор, кроличьи садки и прелестные пруды, четырехугольные и овальные, в том числе один пруд в виде зеркала, с двумя фонтанами, бьющими очень высоко.

Лорду Корнуэлу, барону Ай, принадлежит Бром-Холл – дворец XIV века.

Высородный Олджернон Кейпл, виконт Молден, граф Эссекс, владеет в Гортфордшире замком Кешиобери, имеющим форму буквы Н, и лесными угодьями, изобилующими дичью.

Лорду Чарльзу Оссалстоуну принадлежит в Мидлсексе замок Доули, окруженный садами в итальянском вкусе.

Джеймс Сесил, граф Солсбери, в семи лье от Лондона владеет дворцом Гартфилд-Хауз, с четырьмя господскими павильонами, с дозорной башней в центре и парадным двором, выложенным белыми и черными плитами, как в Сен-Жермене. Дворец этот, занимающий по фасаду двести семьдесят два фута, был выстроен в царствование Иакова I государственным казначеем Англии, прадедом нынешнего владельца. Кровать одной из графинь Солсбери стоит огромных денег: она целиком сделана из бразильского дерева, признанного вернейшим средством от змеиного укуса, которое называется *milhombres*, что значит «тысячи мужчин». На этой кровати золотыми буквами выведена надпись: *Honni soit qui mal y pense*¹².

Эдуард Рич, граф Уорик и Холленд, – собственник замка Уорик-Касл, где камин топят целыми дубами.

В приходе Севн-Оукс Чарльзу Секвиллу, барону Бекхерсту, виконту Кренфилду, графу Дорсету и Мидлсексу, принадлежит поместье Ноул, по величине не уступающее городу; в нем выстроены параллельно друг другу три дворца, длинных как шеренги пехоты; на главном здании с лицевой стороны – десять ступенчатых щипцов, а над воротами – замковая башня, окруженная четырьмя малыми башнями.

Томас Тинн, виконт Уэймет, барон Уорминстер, – собственник дворца Лонг-Лит, в котором почти столько же каминов, фонарей, беседок, арок, павильонов, башенок круглых, башенок со шпилями, сколько и в замке Шамбор во Франции, принадлежащем королю.

Генри Ховард, граф Суффолк, владеет в двенадцати лье от Лондона, в Мидлсексе, дворцом Одлейн, едва ли уступающим в размере и величественности Эскуриалу испанского короля.

В Бедфордшире Рест-Хауз-энд-Парк, обнесенный рвами и стенами, – целая округа с лесами, реками, холмами, – составляет собственность маркиза Генри Кента.

В Гартфорде Гемптон-Корт с огромной зубчатой башней и садом, который отделен от леса прудом, принадлежит Томасу, лорду Конингсби.

Графу Роберту Линдсею, лорду и наследственному владельцу Уолхемского леса, принадлежит в Линкольншире замок Гримсторф с длинным фасадом, украшенным высокими башенками в виде частокола, с парками, прудами, фазаными дворами, овчарнями, лужайками, рощами, площадками для игр, высокоствольными деревьями, узорными цветниками, разбитыми на квадраты и ромбы и похожими на большие ковры с полянами для состязаний в верховой езде и с величественной круговой аллеей, служащей въездом в замок.

В Суссексе высокочтимому Форду, лорду Грею, виконту Глендейлу и графу Танкарвиллу, принадлежит большой квадратный замок с двумя симметрически расположенными по обеим сторонам парадного двора флигелями, над которыми высятся дозорные башни.

Дворец Ньюхем Пэдокс, в Уорикшире, со стеклянным четырехскатным щипцом и с двумя четырехугольными рыбными садками в парке, составляет собственность графа Денби, который в Германии носит еще титул графа Рейнфельден.

Замок Уайтхем, в графстве Берк, с его французским парком, в котором сооружены четыре грота из тесаного камня, с его высокой зубчатой башней, подпираемой двумя крепост-

¹² «Позор тому, кто подумает дурное» (фр.).

ного типа контрфорсами, принадлежит лорду Монтегю, графу Эбингдону, который является также собственником баронского замка Райкот, над въездными воротами которого красуется девиз: *Virtus ariete fortior*¹³.

Уильям Кавендиш, герцог Девонширский, владеет шестью замками, и в том числе двухэтажным Четсоуртом, строго выдержанным в греческом стиле; кроме того, его светлости принадлежит в Лондоне дворец с фигурой льва, обращенной спиной к королевскому дворцу.

Виконт Кинелмики, ирландский граф Корк, владеет в Пикадилли дворцом Барлингтон-Хауз с обширными садами, простирающимися за пределы Лондона. Ему принадлежит также дворец Чизуик, состоящий из девяти великолепных зданий, и Ландсборо, где рядом со старым дворцом выстроен новый.

Герцог Бофорт – собственник Челси, состоящего из двух дворцов в готическом стиле и одного – во флорентийском; ему же принадлежит в Глостере дворец Бедмингтон, от которого лучами расходятся во все стороны прекрасные широкие аллеи. Высокородный и могущественный принц Генри, герцог Бофорт, носит также титул маркиза и графа Уостера, барона Раглана, барона Пауэра и барона Герберт-Чипстоу.

Джон Холлис, герцог Ньюкасл и маркиз Клер, владеет замком Болсовер, четырехугольная дозорная башня которого производит величественное впечатление, а также замком Хоутон в Ноттингеме, где есть бассейн с круглой пирамидой в центре, наподобие Вавилонской башни.

Лорд Уильям Кревен, барон Кревен-Хемпстед, имеет в Уорикшире свою резиденцию – Комб-Эби с самым красивым фонтаном в Англии, а в Беркшире два баронских замка: Хемпстед-Маршал с фасадом, украшенным пятью стеклянными балконами в готическом стиле, и Эсдоун-Парк, выстроенный в лесу у скрещения двух дорог.

Лорд Линней Кленчарли, барон Кленчарли-Генкервилл, маркиз Корлеоне Сицилийский, владеет замком Кленчарли, выстроенным в 914 году Эдуардом Старым для защиты от датчан; ему же принадлежат дворцы: Генкервилл-Хауз в Лондоне и Корлеоне-Лодж в Виндзоре, а также восемь кастелянств: в Брукстоне на Тренте, с правом разработки алебастровых копей, затем Гемдрайт, Хомбл, Морикемб, Тренуордрайт, Хелл-Кертерс с замечательным источником, Пиллинмор с торфяными болотами, Рикелвер близ старинного города Уайкнаунтон на горе Мойл-Энли; затем девятнадцать небольших городков и деревень с правом феодального суда над населением, а также вся округа Пенснет-Чейз, что в совокупности приносит его милости сорок тысяч фунтов стерлингов годового дохода.

Сто семьдесят два пэра, облаченных властью в царствование Иакова II, получают в совокупности миллион двести семьдесят две тысячи фунтов стерлингов годового дохода, что составляет одиннадцатую часть доходов Англии.

Сбоку, против последнего имени, лорда Линнея Кленчарли, рукою Урсуса была сделана пометка:

«Мятежник; в изгнании; имущество, земли и поместья под секвестром. И поделом».

4

Урсус восхищался Гомо. Мы восхищаемся тем, что нам близко. Это – закон.

Внутренним состоянием Урсуса была постоянная глухая ярость; его внешним состоянием была ворчливость. Урсус принадлежал к числу тех, кто недоволен мирозданием. В системе природы он выполнял роль оппозиции. Он видел мир с дурной стороны. Никто и ничто на свете не удостоивалось его одобрения. Для него сладость меда не оправдывала укуса пчелы; распустившаяся на солнце роза не оправдывала желтой лихорадки, иначе говоря – *romito negro*, вызванной тем же солнцем. По всей вероятности, наедине с самим собой Урсус резко осуж-

¹³ «Доблесть сильнее тарана» (лат.).

дал Господа. Он говорил: «Дьявол изворотлив; Бог виноват в том, что спустил его с цепи». Он одобрял только владетельных особ, но выказывал это одобрение довольно своеобразно. Однажды, когда Иаков II принес в дар Богородице ирландской католической часовни тяжелую золотую лампаду, Урсус, как раз проходивший мимо этой часовни с Гомо, который, впрочем, относился к таким событиям более равнодушно, стал во всеуслышание выражать свой восторг. «Конечно, – воскликнул он, – Богородица гораздо больше нуждается в золотой лампаде, чем вот эта босоногая детвора – в башмаках!»

Такие доказательства «благонамеренности» Урсуса и его очевидное уважение к властям предрешающим, вероятно, немало содействовали тому, что власти довольно терпимо относились к его кочевому образу жизни и необычайному союзу с волком. Иногда вечером он по дружеской слабости разрешал Гомо поразмяться и побродить на свободе вокруг возка. Волк был не способен злоупотребить доверием, и в «обществе», то есть на людях, он вел себя смирнее пуделя. Однако, попадись он в дурную минуту на глаза полицейским, не миновать бы неприятностей; вот почему Урсус старался как можно чаще держать ни в чем не повинного волка на цепи.

С точки зрения политической его надпись насчет золота, ставшая неразборчивой, да к тому же малопонятная по существу, представлялась простой мазней на фасаде балагана и не навлекала на Урсуса никаких подозрений. Даже после Иакова II и в «досточтимое» царствование Вильгельма и Марии возок Урсуса спокойно разъезжал по глухим городкам английских графств. Урсус исколесил всю Великобританию, продавая изготовленные им зелья и снадобья и продельвая с помощью волка свои шарлатанские фокусы; он легко ускользал от сетей полиции, раскинутых в ту пору по всей Англии для очистки страны от бродячих шаек и главным образом для задержания «компрачикосов».

В сущности это было справедливо. Урсус не принадлежал ни к одной бродячей шайке. Урсус жил с Урсусом сам по себе, и только волк присутствовал при его беседах с самим собой. Пределом мечтаний Урсуса было родиться караибом¹⁴. Но так как это было не в его власти, то он стал отшельником. Отшельничество – это форма дикарства, которую соглашается терпеть цивилизованное общество. Чем дальше мы скитаемся по свету, тем более мы одиноки. Этим объяснялись постоянные странствования Урсуса. Долгое пребывание в одном месте казалось ему переходом от свободного состояния к неволе. Вся его жизнь прошла в скитаниях. При виде города в нем росла тяга к чаще, к лесным дебрям, к пещерам в скалах. В лесу он был у себя дома. Но и глухой гул толпы на площадях не смущал его, так как напоминал шум деревьев. В известной мере толпа удовлетворяет склонность к отшельничеству. Не нравились Урсусу в его повозке только дверь и окна, придававшие ей сходство с настоящим домом. Он достиг бы своего идеала, если бы мог поставить на колеса пещеру и путешествовать в ней.

Мы уже говорили, что Урсус не улыбался; он только смеялся – временами даже часто; но это был горький смех. В улыбке чувствуется согласие, тогда как смех часто означает отказ.

Главной особенностью Урсуса была ненависть к роду человеческому. В этой ненависти он был неумолим. Он пришел к твердому убеждению, что жизнь человека отвратительна; он заметил, что существует своего рода иерархия бедствий: над королями, угнетающими народ, есть война, над войною – чума, над чумою – голод, а над всеми бедствиями – глупость человеческая; удостоверившись, что уже самый факт существования является в какой-то мере наказанием, и видя в смерти избавление, он тем не менее лечил больных, которых к нему приводили. У него были укрепляющие лекарства и снадобья для продления жизни стариков. Он ставил на ноги калек и потом язвительно говорил им: «Ну вот, ты снова на ногах. Можешь теперь вволю мыкаться по этой юдоли слез». Увидев нищего, умирающего от голода, он отдавал ему все деньги, какие у него были, и ворчал: «Живи, несчастный! Ешь! Старайся протянуть

¹⁴ *Карибы* (караибы) – группа индейских народов в Южной Америке.

подольше! Не я сокращу срок твоей каторги». Затем, потирая руки, приговаривал: «Я делаю людям столько зла, сколько могу».

Через окошечко в задней стене балагана прохожие имели возможность прочесть на потолке крупную надпись, начертанную углем: «Урсус-философ».

II Компрачикосы

1

Кому в наши дни известно слово «компрачикосы»? Кому понятен его смысл?

Компрачикосы, или компрапекеньосы, представляли собой необычайное, гнусное сообщество бродяг, знаменитое в XVII веке, забытое в XVIII и совершенно неизвестное в наши дни. Компрачикосы, подобно «отраве для получения наследства», являются характерной подробностью старого общественного уклада. Это деталь древней картины нравственного уродства человечества. С точки зрения истории, сводящей воедино отдельные события, компрачикосы были одним из проявлений отвратительного факта, именуемого рабством. Легенда об Иосифе, проданном братьями, – одна из глав повести о компрачикосах. Они оставили память о себе в уголовных кодексах Испании и Англии. Разбираясь в темном хаосе английских законодательных актов, наталкиваешься на следы этого чудовищного явления, подобно тому как находишь в первобытных лесах отпечаток ноги дикаря.

«Компрачикос», так же как и «компрапекеньос», – составное испанское слово, означающее «скупщик детей».

Компрачикосы вели торговлю детьми.

Они покупали и продавали детей.

Но не похищали их. Кража детей – это уже другой промысел.

Что же они делали с этими детьми?

Они делали из них уродов.

Для чего?

Для забавы.

Народ нуждается в забаве. Короли тоже. Улице нужен паяц; дворцам нужен гаер. Одного зовут Тюрлюпен, другого – Трибуле¹⁵.

Усилия, которые затрачивает человек в погоне за весельем, заслуживают порой внимания философа.

Что представляют собою эти вступительные страницы?

Главы одной из самых страшных книг, которую можно было бы назвать: *Эксплуатация несчастных счастливыми*.

2

Ребенок, предназначенный служить игрушкой для взрослых, – такое явление не раз имело место в истории. (Оно имеет место и в наши дни.) В простодушно-жестокое эпохи оно вызывало к жизни особый промысел. Одной из таких эпох был XVII век, называемый «великим». Это был век чисто византийских нравов; простодушные сочетались в нем с развращенностью, жестокость с чувствительностью – любопытная разновидность цивилизации! Нечто вроде

¹⁵ Тюрлюпен, Трибуле – прозвища двух французских шутов, бывших на службе у королей Франции.

жеманного тигра. Мадам де Севинье¹⁶ мило щебетала о костре и колесовании. А эксплуатация детей была явлением обычным: историки, лстившие XVII веку, скрыли эту язву, но им не удалось скрыть попытку Венсана де Поля¹⁷ залечить ее.

Чтобы сделать из человека хорошую игрушку, надо приняться за дело заблаговременно. Превратить ребенка в карлика можно, пока он еще мал. Дети служили забавой. Нормальный ребенок не очень забавен. Горбун куда потешнее.

Отсюда возникло настоящее искусство. Существовали подлинные мастера этого дела. Из нормального человека делали уродца. Человеческое лицо превращали в харю. Останавливали рост. Перекраивали ребенка наново. Искусственная фабрикация уродов производилась по известным правилам. Это была целая наука. Представьте себе ортопедию наизнанку. Нормальный человеческий взор заменялся косоглазием. Гармония черт вытеснялась уродством. Там, где Бог достиг совершенства, восстанавливался черновой набросок творения. И в глазах знатоков именно этот ребенок и был совершенством. Такие опыты искажения естественного облика производились и над животными: изобрели, например, пегих лошадей. У Тюренна¹⁸ был пегий конь. А разве в наши дни не красят собак в голубой или зеленый цвет? Природа – это канва. Человек искони стремился прибавить к творению Божьему кое-что от себя. Он переделывает его иногда к лучшему, иногда к худшему. Придворный шут был не чем иным, как попыткой вернуть человека к состоянию обезьяны. Прогресс вспять. Изумительный образец движения назад. Одновременно делались попытки превратить обезьяну в человека. Герцогиня Барбара Кливленд, графиня Саутгемптон, держала у себя в качестве пажа обезьяну сапажу. У Френсис Сеттон, баронессы Дадли, жены мэра, занимавшего восьмое место на баронской скамье, чай подавал одетый в золотую парчу павиан, которого леди Дадли называла «мой негр». Кэтрин Сидли, графиня Дорчестер, отправлялась на заседание парламента в карете с гербом, на запятках которой торчали, задрав морды кверху, три павиана в парадных livreaх. Одна из герцогинь Мединасели, при утреннем туалете которой довелось присутствовать кардиналу Полу, приучила орангутанга надевать ей чулки. Обезьян возвышали до положения человека, зато людей низводили до положения скотов. Своеобразное смешение человека с животным, столь приятное для знати, ярко проявлялось в традиционной паре: карлик и собака; карлик был неразлучен с огромной собакой. Собака была неизменным спутником карлика. Они ходили как бы на одной сворке. Это сочетание противоположностей запечатлено во множестве памятников домашнего быта, в частности на портрете Джеффри Гудсона, карлика Генриетты Французской, дочери Генриха IV, жены Карла I.

Унижение человека ведет к лишению его человеческого облика. Бесправное положение завершалось уродованием. Некоторым операторам того времени превосходно удавалось вытравить с человеческого лица образ Божий. Доктор Конквест, член Аменстритской коллегии, инспектировавший торговлю химическими товарами в Лондоне, написал по-латыни книгу, посвященную этой хирургии наизнанку, изложив ее основные приемы. Если верить Юстусу Каррик-Фергюсу, основоположником этой хирургии является монах по имени Эйвен-Мор, что по-ирландски значит «Большая река».

Карлик немецкого властительного князя – уродец Перкео (кукла, изображающая его, – настоящее страшилище – выскакивает из потайного ящика в одном из гейдельбергских погребков) – был замечательным образчиком этого искусства, чрезвычайно разностороннего в своем применении.

¹⁶ Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696) – французская писательница. Ее знаменитые «Письма» рисуют подробную и достоверную картину светской жизни во Франции XVII века.

¹⁷ Венсан де Поль (Святой Викентий де Поль; 1581–1660) – католический святой, основатель многих конгрегаций, семинариев и школ.

¹⁸ Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де Тюрени (1611–1675) – французский полководец, один из выдающихся военных тактиков и стратегов своего времени.

Оно создавало уродов, для которых закон существования был чудовищно прост: им разрешалось страдать и вменялось в обязанность служить предметом развлечения.

3

Фабрикация уродов производилась в большом масштабе и состояла из многих разновидностей.

Уроды нужны были султану; уроды нужны были папе. Первому – чтобы охранять его жен; второму – чтобы возносить молитвы. Это был особый вид калек, неспособных к воспроизведению рода. Эти человекоподобные существа служили и сладострастию, и религии. Гарем и Сикстинская капелла были потребителями одной и той же разновидности уродов: первый – свирепых, вторая – пленительных.

В те времена умели делать многое, чего не умеют делать теперь; люди обладали талантами, которых мы лишились, – недаром благомыслящие умы кричат об упадке. Мы уже не умеем перекраивать живое человеческое тело: это объясняется тем, что искусство пытки нами почти утрачено. Раньше существовали виртуозы этого дела, теперь их больше нет. Искусство пытки упростилось до такой степени, что вскоре оно, быть может, совсем исчезнет. Отрезая живому человеку руки и ноги, вспарывая ему живот, вырывая внутренности, люди проникали в его организм, и это приводило к открытиям. От подобных успехов, которыми хирургия обязана была палачу, нам теперь приходится отказаться.

Операции эти не ограничивались в те давние времена изготовлением диковинных уродов для народных зрелищ, шутов, пополнявших штат королевских придворных, и кастратов – для

султанов и пап. Они были чрезвычайно разнообразны. Одним из высших достижений этого искусства было изготовление «петуха» для английского короля.

В Англии существовал обычай, согласно которому в королевском дворце держали человека, певшего по ночам петухом. Этот полуночник, не смыкавший глаз в то время, как все спали, бродил по дворцу и каждый час издавал петушиный крик, повторяя его столько раз, сколько требовалось, чтобы заменить собою колокол. Человека, предназначенного для роли петуха, подвергали в детстве операции гортани, описанной в числе других доктором Конквестом. С тех пор как в царствование Карла II герцогиню Портсмутскую чуть не стошнило при виде слюнотечения, бывшего неизбежным результатом такой операции, к этому делу приставили человека с неизуродованным горлом, но самую должность упразднить не решились, дабы не ослабить блеска короны. Обычно на столь почетную должность назначали отставного офицера. При Иакове II ее занимал Уильям Самсон Кок¹⁹, получавший за свое пение девять фунтов два шиллинга шесть пенсов в год.

В Петербурге, менее ста лет назад, – об этом упоминает в своих мемуарах Екатерина II – в тех случаях, когда царь или царица бывали недовольны каким-нибудь вельможей, последний должен был в наказание садиться на корточки в парадном вестибюле дворца и просиживать в этой позе иногда по несколько дней, то мяукая, как кошка, то кудахтая, как наседка, и подбирая на полу брошенный ему корм.

Эти обычаи отошли в прошлое. Однако не настолько, как это принято думать. И в наши дни придворные квохчут в угоду властелину, лишь немного изменив интонацию. Любой из них подбирает свой корм если не из грязи, то с полу.

К счастью, короли не могут ошибаться. Благодаря этому противоречия, в которые они впадают, никого не смущают. Одобряя их действия, можно быть уверенным в своей правоте, а такая уверенность приятна. Людовик XIV не пожелал бы видеть в Версале ни офицера, поющего петухом, ни вельможу, изображающего индюка. То, что в Англии и в России поднимало престиж королевской и императорской власти, показалось бы Людовику Великому несовместимым с короной Людовика Святого. Всем известно, как он был недоволен, когда Генриетта, герцогиня Орлеанская, забылась до того, что увидела во сне курицу, – поступок, в самом деле весьма непристойный для особы, приближенной ко двору. Тот, кто принадлежит к королевскому двору, не должен интересоваться птичьим двором. Боссюэ²⁰, как известно, разделял возмущение Людовика XIV.

4

Торговля детьми в XVII столетии, как уже было упомянуто, дополнялась особым промыслом. Этой торговлей и этим промыслом занимались компрачикосы. Они покупали детей, по-своему обрабатывали это сырье, а затем перепродавали его.

Продавцы бывали всякого рода, начиная с бедняка-отца, освобождавшегося таким способом от лишнего рта, и кончая рабовладельцем, выгодно сбывавшим приплод от принадлежащего ему человеческого стада. Торговля людьми считалась обычным делом. Даже в наши дни право на нее отстаивали с оружием в руках. Достаточно вспомнить, что меньше столетия назад курфюрст Гессенский продавал своих подданных английскому королю, которому нужны были люди, чтобы посылать их в Америку на убой. К курфюрсту Гессенскому шли как к мяснику. Он торговал пушечным мясом. В лавке этого государя подданные были выставлены, как туши у мясника. Покупайте – продается!

¹⁹ Сок – петух (англ.).

²⁰ Жак Бешнье Боссюэ (1627–1704) – французский проповедник и богослов.

В Англии во времена Джеффриса, после трагической авантюры герцога Монмута²¹, было обезглавлено и четвертовано немало вельмож и дворян: жены и дочери их, оставшиеся вдовами и сиротами, были подарены Иаковом II его супруге – королеве. Королева продала этих леди Уильяму Пенну²². Король получил, вероятно, комиссионное вознаграждение и известный процент со сделки. Но удивительно не то, что Иаков II продал этих женщин, а то, что Уильям Пенн их купил. Впрочем, эта покупка находит себе если не оправдание, то объяснение в том, что, будучи поставлен перед необходимостью заселить целую пустыню, Пенн нуждался в женщинах. Женщины были как бы частью живого инвентаря.

Эти леди оказались недурным источником дохода для ее королевского величества. Молодые были проданы по дорогой цене. Не без смущения думаешь о том, что старых герцогинь Пенн, по всей вероятности, приобрел за бесценок.

Компрачикосы назывались также «чейлас» – индийское слово, означающее «охотники за детьми».

Долгое время компрачикосы действовали почти открыто. Иногда темные стороны общественного строя благоприятствуют развитию преступных промыслов; в подобных случаях они особенно живучи. В наши дни в Испании такое сообщество, возглавлявшееся бандитом Рамон Селлем, просуществовало с 1834 по 1866 год; в течение тридцати лет оно держало в страхе три провинции: Валенсию, Аликанте и Мурсию.

Во времена Стюартов к компрачикосам при дворе относились довольно снисходительно. Иной раз правительство прибегало к их услугам. Для Иакова II они были почти *instrumentum regni*²³.

В те времена пресекали существование целых родов, проявивших непокорность или служивших почему-либо помехой, одним ударом уничтожали семьи, насильственно устранили наследников. Иногда обманным образом лишали законных прав одну ветвь в пользу другой. Компрачикосы обладали умением видоизменять наружность человека, и это бывало полезно для политических целей. Изменить наружность человека лучше, чем убить его. Существовала, правда, железная маска²⁴, но это было слишком грубое средство. Нельзя наводнить Европу железными масками, между тем как уроды-фигляры могут появляться на улицах, не возбуждая подозрения; кроме того, железную маску можно сорвать, чего с живой маской сделать нельзя. Превратить в маску лицо человека – что может быть остроумнее этого? Компрачикосы подвергали обработке детей так же, как китайцы обрабатывают дерево. У них, как мы уже говорили, были секретные способы, особые приемы. Это искусство исчезло бесследно. Из рук компрачикосов выходило странное существо, остановившееся в своем росте. Оно вызывало смех; оно заставляло призадуматься. Компрачикосы с такой изобретательностью изменяли наружность ребенка, что родной отец не узнал бы его. Иногда они оставляли спинной хребет нетронутым, но перекраивали лицо. Они вытравливали природные черты ребенка, как спарывают метку с украденного носового платка.

У тех, кого предназначали для роли фигляра, весьма искусно выворачивали суставы; казалось, у этих существ нет костей. Из них делали гимнастов.

Компрачикосы не только лишали ребенка его настоящего лица, они лишали его и памяти. По крайней мере, в той степени, в какой это было им доступно. Ребенок не знал о причиненном ему увечье. Чудовищная хирургия оставляла след на его лице, но не в сознании. В

²¹ Джеймс Скотт, герцог Монмут (1649–1685) – внебрачный сын короля Англии Карла II. После смерти отца (1685) попытался захватить престол, но потерпел поражение и был казнен.

²² Уильям Пенн (1644–1718) – один из основателей первой столицы США Филадельфии. Также основал колонию, получившую в его честь название Пенсильвания («Лесная Страна Пенна»).

²³ Орудием власти (лат.).

²⁴ Намек на загадочного узника времен Людовика XIV, носившего якобы железную маску и оставшегося неизвестным. Упоминается во многих произведениях, в частности в романах Александра Дюма.

лучшем случае он мог припомнить, что однажды его схватили какие-то люди, затем – что он заснул и что потом его лечили. От какой болезни – он не знал. Он не помнил ни прижигания серой, ни надрезов железом. На время операции компрачикосы усыпляли свою жертву при помощи какого-то одурманивающего порошка, слывшего волшебным обезболивающим средством. Этот порошок издавна был известен в Китае; им пользуются и в наши дни. Китай задолго до нас знал книгопечатание, артиллерию, воздухоплавание, хлороформ. Но в то время, как в Европе открытие сразу оживает, развивается и творит настоящие чудеса, в Китае оно остается в зачаточном состоянии и сохраняется в мертвом виде. Китай – это банка с заспиртованными в ней зародышами.

Раз мы уже заговорили о Китае, остановимся еще на одной подробности. В Китае с незапамятных времен существовало искусство, которое следовало бы назвать отливкой живого человека. Двухлетнего или трехлетнего ребенка сажали в фарфоровую вазу более или менее причудливой формы, но без крышки и без дна, чтобы голова и ноги проходили свободно. Днем вазу держали в вертикальном положении, а ночью клали на бок, чтобы ребенок мог спать. Дитя росло таким образом только в ширину, заполняя своим стиснутым телом и искривленными костями все полые места внутри сосуда. Это выращивание в бутылке длилось несколько лет. По истечении известного времени жертва оказывалась изуродованной непоправимо. Убедившись, что эксперимент удался и что урод вполне готов, вазу разбивали, и из нее выходило человеческое существо, принявшее ее форму. Это очень удобно: можно заказать себе карлика какой угодно формы.

5

Иаков II относился к компрачикосам терпимо. У него были на то уважительные причины: он сам не раз пользовался их услугами. Не всегда пренебрегают тем, что презирают. Этот низкий промысел, бывший на руку тому высокому промыслу, который именуется политикой, обрекался на жалкое существование, но не преследовался. Никакого надзора за ним не было, однако из виду его не упускали. Он мог пригодиться. Закон закрывал один глаз, король открывал другой.

Иногда король доходил до того, что сознавался в соучастии. Таково бесстыдство монаршей власти! Иногда жертву клеймили королевскими лилиями; с нее снимали печать, наложенную Богом, и заменяли клеймом короля. В семье Джеймса Эстли, родовитого дворянина и баронета, владельца замка Мелтон и констебля графства Норфолк, был такой проданный ребенок; на его лбу правительственный чиновник выжиг каленым железом королевскую лилию. В некоторых случаях, когда по каким-либо причинам хотели удостовериться, что изменение в судьбе ребенка произошло не без участия короля, прибегали именно к этому средству. Англия всегда оказывала нам честь, пользуясь для своих собственных надобностей цветком лилии.

Компрачикосы напоминали индийцев-«душителю», с той разницей, что одни промышляли преступным ремеслом, а другие были фанатиками-изуверами; они жили шайками и занимались скоморошеством, но для отвода глаз. Это облегчало им переход с места на место. Они кочевали, появлялись то здесь, то там; отличаясь строгими правилами и религиозностью, они были не способны на воровство и ничем не походили на другие бродячие шайки. Народ долгое время неосновательно смешивал их с «испанскими и китайскими маврами». «Испанскими маврами» называли фальшивомонетчиков, а «китайскими» – мошенников. Совсем иное дело – компрачикосы. Это были честные люди. Можно быть о них какого угодно мнения, но они бывали честны до щепетильности. Они стучались в дверь, входили, покупали ребенка, платили деньги и уносили его с собой. Сделка совершалась так, что покупателей ни в чем нельзя было упрекнуть.

Среди компрачиков были люди разных национальностей. Это название объединяло англичан, французов, кастильцев, немцев, итальянцев. Такое содружество обычно возникает в результате общности образа мыслей, общности суеверий, занятия одним и тем же ремеслом. В этом братстве бандитов левантинцы представляли Восток, уроженцы западного побережья Европы – Запад. Баски свободно объяснялись с ирландцами: баск и ирландец понимают друг друга, так как оба говорят на древнем пуническом наречии; кроме того, здесь играла роль тесная связь между католической Ирландией и католической Испанией. Эти дружеские отношения завершились повешением в Лондоне гаэльского лорда Брани, который был почти королем Ирландии, что послужило поводом к созданию Литримского графства.

Компрачикосы были скорее сообществом, чем племенем, скорее сбродом, чем сообществом. Это была голь, собравшаяся со всего света и превратившая преступление в ремесло. Это было лоскутное племя, скроенное из пестрых отрепьев. Каждый новый человек был здесь как бы еще одним лоскутом, пришитым к нищенским лохмотьям.

Бродяжничество было законом существования компрачи́ков – они появлялись, потом исчезали. Тот, кого едва терпят, не может надолго осесть на одном месте. Даже в тех королевствах, где их промысел имел спрос при дворе и служил при случае подспорьем королевской власти, с ними порой обходились весьма сурово. Короли прибегали к их мастерству, а затем ссылали самих мастеров на каторгу. Эта непоследовательность объясняется непостоянством королевских прихотей. Таково уж свойство «высочайшей воли».

Кочевой промысел – что катящийся камень: он не обрастает мхом. Компрачи́ковы были бедны. Они могли бы сказать о себе то же, что сказала однажды изможденная, оборванная колдунья, увидев зажженный для нее костер: «Игра не стоит свеч». Возможно и даже вполне вероятно, что их главари, оставшиеся неизвестными и производившие торговлю детьми в крупных размерах, были богаты. Теперь, по прошествии двух столетий, трудно выяснить это обстоятельство.

Мы уже говорили, что компрачи́ковы представляли собой своего рода сообщество. У них были свои законы, своя присяга, свои обычаи. У них была, можно сказать, своя каббалистика. Если кому-нибудь в наши дни захотелось бы основательно познакомиться с компрачи́ковыми, ему следовало бы съездить в Бискайю или в Галисию. Среди компрачи́ков было много басков, и поэтому там, в горах, еще и теперь рассказывают о них легенды.

В наше время о компрачи́ках вспоминают в Оярсуне, в Урбистондо, в Лесо, в Астигаре. *Aguardate, niño, que voy a llamar al comprachicos!*²⁵ – пугают в тех местах матери своих детей.

Компрачи́ковы, подобно цыганам, устраивали сходбища; время от времени их вожаки собирались, чтобы посоветоваться. В XVII столетии у них было четыре главных пункта для таких встреч. Один – в Испании, в ущелье Панкорбо; второй – в Германии, на лесной прогалине, носившей название «Злая Женщина», близ Дикирха, где находятся два загадочных барельефа, изображающих женщину с головой и мужчину без головы; третий – во Франции, на холме, где высилось колоссальное изваяние Палицы Обещания, в старинном священном лесу Борво-Томона, близ Бурбон-ле-Бена; четвертый – в Англии, за оградой сада, принадлежавшего Уильяму Челонеру, джисброускому эсквайру, в Кливленде, в графстве Йорк, между четырехугольной башней и стеной со стрельчатыми воротами.

6

Английские законы, направленные против бродяг, всегда отличались чрезвычайной строгостью. Казалось, в своем средневековом законодательстве Англия руководствовалась принципом: *Homo errans fera errante peior*²⁶. Один из специальных статутов характеризует человека, не имеющего постоянного местожительства, как существо «более опасное, чем аспид, дракон, рысь и василиск» (*atrocior aspide, dracone, lynce et basilico*). Цыгане, от которых Англия хотела избавиться, долгое время причиняли ей столько же хлопот, сколько волки, которых ей удалось истребить.

В этом отношении англичанин отличается от ирландца, который молится святым о здравии волка и величает его своим «крестным».

Однако английское законодательство, смотревшее, как мы знаем, сквозь пальцы на прирученного волка, ставшего чем-то вроде собаки, относилось так же терпимо к бродягам, кормившимся каким-нибудь ремеслом. Никто не преследовал ни скомороха, ни странствующего цирюльника, ни лекаря, ни разносчика, ни скитающегося алхимика, если только у них было ремесло, доставлявшее средства к жизни. Но и с этой оговоркой, и за этими исключениями вольный человек, каким был каждый бродяга, все же внушал опасение закону. Всякий праздно-

²⁵ Смотри у меня, детка, не то я позову компрачи́ков! (исп.)

²⁶ Бродячий человек страшнее бродячего зверя (лат.).

шатающийся представлял собою угрозу общественному спокойствию. Характерное для нашего времени бесцельное шатание по белу свету было тогда явлением неизвестным; знали только существовавшее испокон веков бродяжничество. Достаточно было иметь тот особый вид, который принято называть «подозрительным» – хотя никто не может объяснить, что значит это слово, – чтобы общество схватило такого человека за шиворот: «Где ты проживаешь? Чем занимаешься?» И если он не мог ответить на эти вопросы, его ожидало строгое наказание. Железо и огонь были средствами воздействия, предусмотренными уголовным кодексом. Закон боролся с бродяжничеством прижиганиями.

Отсюда, как прямое следствие, вытекал неписанный «закон о подозрительных лицах», применявшийся на всей английской территории к бродягам (которые, надо сознаться, легко становились преступниками) и, в частности, к цыганам, изгнание которых неосновательно сравнивали с изгнанием евреев и мавров из Испании и протестантов из Франции. Что же касается нас, то мы не смешиваем облавы с гонением.

Компрачикосы, повторяем, не имели ничего общего с цыганами. Цыгане составляли определенную народность; компрачикосы же были смесью всех наций, как мы уже говорили, отбросами их, отвратительной лоханью с помоями. Компрачикосы в противоположность цыганам не имели собственного наречия; их жаргон был смесью самых разнообразных наречий; они изъяснялись на каком-то тарабарском языке, заимствовавшем свои слова из всех языков. Они в конце концов сделались, подобно цыганам, племенем, кочующим среди других племен; но их связывало воедино сообщество, а не общность происхождения. Во все исторические эпохи в необъятном океане человечества можно наблюдать отдельные ядовитые течения, распространяющие вокруг себя отраву. Цыгане составляли племя, компрачикосы же были своего рода масонским обществом, но это масонское общество не преследовало высоких идей, а занималось отвратительным промыслом. Наконец, было между ними различие и в религии. Цыгане были язычниками, компрачикосы – христианами, и даже хорошими христианами, как подобает братству, хотя и состоявшему из представителей всех народностей, но возникшему в благочестивой Испании.

Они были больше чем христианами – они были католиками, и даже больше чем католиками – они были рьяными почитателями папы. Притом они столь ревностно охраняли чистоту своей веры, что отказались соединиться с венгерскими кочевниками из Пештского комитата, во главе которых стоял некий старец, имевший вместо жезла посох с серебряным набалдашником, украшенным двуглавым австрийским орлом. Правда, эти венгры были схизматиками и даже праздновали 27 августа Успение, – омерзительная ересь!

В Англии при Стюартах компрачикосы по указанным нами причинам пользовались некоторым покровительством властей. Иаков II, пламенный ревнитель веры, преследовавший евреев и травивший цыган, по отношению к компрачикосам был добрым государем. Мы уже знаем почему: компрачикосы были покупателями человеческого товара, которым торговал король. Они весьма искусно устраивали внезапные исчезновения. Такие исчезновения иной раз требовались «для блага государства». Стоявший кому-нибудь поперек дороги малолетний наследник, попав к ним в руки и будучи подвергнут ими определенной операции, становился неузнаваемым. Это облегчало конфискацию имущества, это упрощало передачу родовых поместий фаворитам. Кроме того, компрачикосы были крайне сдержанны и молчаливы: обязавшись хранить безмолвие, они твердо блюли данное слово, что совершенно необходимо в государственных делах. Почти не было примера, чтобы они выдали королевскую тайну. Правда, это соответствовало их же собственным интересам: если бы король утратил к ним доверие, им грозила бы немалая опасность. Итак, с политической точки зрения они были подспорьем власти. Сверх того, эти мастера на все руки поставляли певчих святейшему отцу. Благодаря

им можно было исполнять *Miserere* Аллегри²⁷. Особенно чтили они Деву Марию. Все это нравилось папистам Стюартам. Иаков II не мог неприязненно относиться к людям, благочестие которых простиралось до того, что они фабриковали кастратов для церковных капелл. В 1688 году в Англии произошла смена династий. Стюарта вытеснил принц Оранский. Место Иакова II занял Вильгельм III.

Иаков II скончался в изгнании, а на его могиле совершилось чудо: его останки исцелили от фистулы епископа Отенского – достойное воздаяние за христианские добродетели низложенного монарха.

Вильгельм Оранский, не разделявший образа мыслей Иакова II и придерживавшийся в своей деятельности других принципов, сурово отнесся к компрачикосам. Он положил немало труда, чтобы уничтожить этот тлетворный сброд.

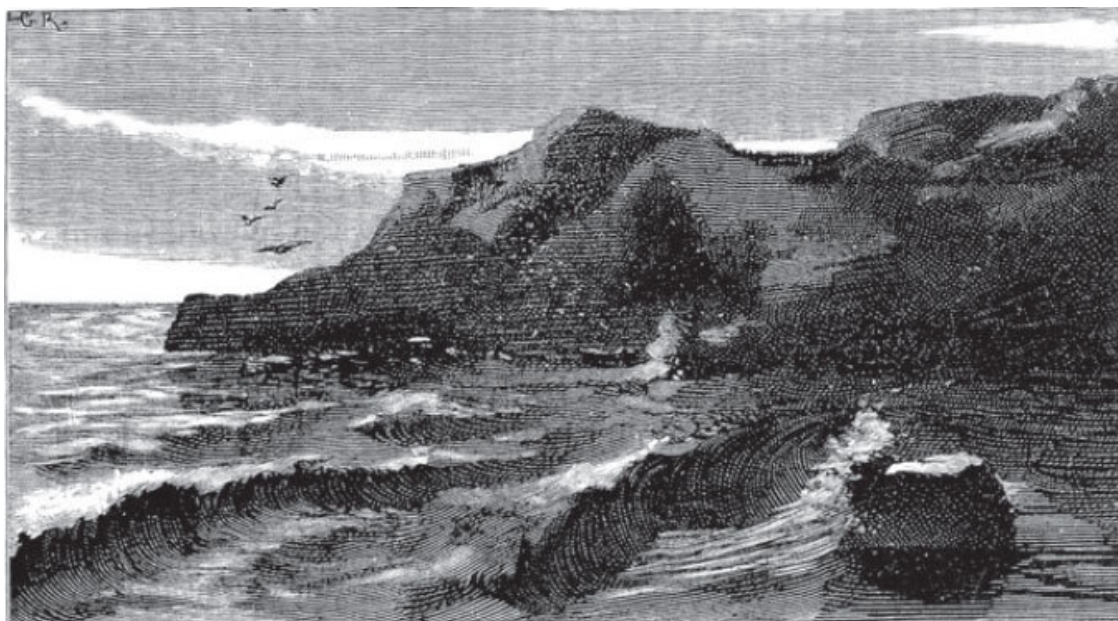
Статут, изданный в начале царствования Вильгельма III и Марии, обрушился со всей силой на сообщества компрачикосов. Это было для них жестоким ударом, от которого они уже не оправились. В силу этого статута члены шайки, избличенные в преступных действиях, подлежали клеймению: каленым железом у них выжигалась на плече буква *R*, что значит *rogue*, то есть мошенник, на левой руке – буква *T*, означающая *thief*, то есть вор, а на правой – буква *M*, означающая *manslay*, то есть убийца. Главари, «предположительно богатые люди, хотя с виду и нищие», подвергались *collistrigium*'у, то есть стоянию у позорного столба (*pilori*), и на лбу у них выжигали букву *P*; их имущество подлежало конфискации; деревья в их угодьях вырубались, пни выкорчевывались. Виновные в доносительстве на компрачикосов карались как их сообщники конфискацией имущества и пожизненным тюремным заключением. Что же касается женщин, входивших в состав шаяек, то они подлежали наказанию, носившему название *cucking-stool*, – это была своего рода западня, а самый термин образовался из соединения французского слова *coquine* (непотребная женщина) и немецкого слова *Stuhl* (стул). Английские законы отличаются необыкновенной долговечностью: в английском уголовном кодексе это наказание до сих пор сохранилось для «сварливых женщин». *Cucking-stool* подвешивают над рекой или прудом, сажают в него женщину и погружают в воду. Эта операция повторяется трижды, «чтобы охладить злобу провинившейся», как поясняет комментатор Чемберлен.

²⁷ Грегорио Аллегри (1582–1652) – итальянский композитор и священник. Упоминается самое знаменитое его сочинение на текст пятидесятого псалма («*Miserere mei, Deus*» – «Помилуй меня, Боже»).

Книга первая

Ночь не так черна, как человек

I

Южная оконечность Портленда

В продолжение всего декабря 1689 года и января 1690 года на европейском материке непрерывно дул упорный северный ветер; особенно неистовствовал он в Англии. Это он вызвал те страшные по своим последствиям холода, из-за которых эта зима стала «памятной для бедняков», как об этом записано на полях старинной Библии в пресвитерианской лондонской часовне *Non Jurors*²⁸. Благодаря исключительной прочности старинного королевского пергамента, употреблявшегося для официальных актов, длинные списки бедняков, найденных мертвыми от голода и холода, можно еще и теперь без труда разобрать во многих местных реестрах, особенно в приходских записях Клинк-Либерти-Корта в городке Саутворке, Пай-Паудер-Корта (что означает «Двор запыленных ног») и Уайт-Чепел-Корта в деревне Стэпни, где церковным ктиторм был местный бейлиф. Темза стала, что случается не чаще раза в столетие, так как морские приливы препятствуют образованию на ней льда. По замерзшей реке ездили на повозках; на Темзе открылась ярмарка с палатками, с боями медведей и быков; тут же, на льду, зажарили целого быка. Такой толщины лед держался два месяца. Тяжелый 1690 год был холоднее даже знаменитой зимы начала XVII века, тщательно изученной доктором Гедеоном Делоном, которого, как аптекаря короля Иакова I, город Лондон почтил памятником – бюстом на цоколе.

Однажды вечером, к концу самого холодного январского дня 1690 года, в одной из многочисленных негостеприимных бухточек Портлендского залива происходило нечто необычайное. Всполошившиеся чайки и морские гуси с криком кружили у входа в бухточку, не отваживаясь вернуться туда.

²⁸ Не приемлющих присяги (англ.).

В этой маленькой бухте, самой опасной из всех бухт залива, когда дуют некоторые ветры, а следовательно, самой пустынной и наиболее удобной для судов, укрывающихся от нежелательных взоров, почти вплотную к берегу – место было глубокое – стояло небольшое суденышко, причалившее к выступу скалы. Мы делаем ошибку, говоря: «Ночь опускается на землю»; следовало бы говорить: «Ночь поднимается от земли», ибо темнота надвигается на небо снизу. Внизу, у подножия скалы, уже наступила ночь; вверх был еще день. Если бы кто-нибудь подошел поближе к стоявшему на причале суденышку, он узнал бы в нем бискайскую урку.

Солнце, скрывавшееся весь день в тумане, только что село. В сердце уже начинало проникать то мрачное беспокойство, которое можно было бы назвать тоской по исчезнувшему светилу.

Ветер с моря улегся, и в бухте было тихо.

Это было счастливым исключением, в особенности зимой. Доступ в большинство портолендских бухт прегражден мелями. В бурную погоду волнение в них очень сильно, и нужны немалая ловкость и опыт, чтобы благополучно довести судно до берега. Эти крошечные гавани хороши только с виду, на самом же деле они сплошь и рядом оказывают дурную услугу. Войти в них опасно, выйти – страшно. Однако в этот вечер, вопреки обыкновению, бухта не таила в себе никакой угрозы.

Бискайская урка – старинное судно, вышедшее ныне из употребления. Этот тип судна, в свое время принесший известную пользу военному флоту, отличался крепким корпусом и по размерам соответствовал барке, а по прочности – кораблю. Урки входили в состав Армады²⁹; военные урки отличались большим водоизмещением, так, вместимость «Большого грифона», капитанского судна, которым командовал Лопе де Медина, равнялась шестистам пятидесяти тоннам, а на борту у него было сорок пушек; торговая же и контрабандистская урки были значительно меньше. Моряки ценили это утлое суденышко. Тросы такелажа на нем были из пеньковых стренд, некоторые из них – со вплетенной внутрь железной проволокой, что свидетельствовало, быть может, о намерении, хотя научно и не совсем обоснованном, обеспечить правильное действие компаса при магнитных бурях; оснастка урки состояла не только из этих тонких тросов, но и из толстых перлиней, из кабрий испанских галер и камелов римских трирем. Румпель был очень длинный – это увеличивало силу рычага, но вместе с тем уменьшало угол поворота; два шкива в двух шкивгатах на конце румпеля исправляли этот последний недостаток и до известной степени сокращали непроизводительную затрату сил. Компас помещался в нактоузе правильной четырехугольной формы и сохранял устойчивое равновесие благодаря двум медным ободкам, вставленным один в другой и утвержденным горизонтально на маленьких стержнях, как в лампах Кардано³⁰. Конструкция урки свидетельствовала о том, что строитель ее обладал известными знаниями и смекалкой, но это были знания невежды и смекалка дикаря. Урка была так же примитивна по своему устройству, как прам и пирога; она обладала устойчивостью первой и быстроходностью второй и, подобно всем судам, созданным инстинктом пирата и рыбака, отличалась высокими мореходными качествами. Такое судно было одинаково пригодно для плавания в закрытых и открытых морях; его чрезвычайно своеобразная парусная оснастка, включавшая в себя и стаксели, позволяла ему идти тихим ходом в закрытых бухтах Астурии, напоминающих собою бассейны, как, например, Пасакес, и полным ходом в открытом море; на нем можно было совершать путешествия и по озеру, и вокруг света, – оригинальное судно, предназначенное для плавания и по спокойным водам пруда, и по бурным океанским волнам. Среди кораблей урка была то же, что трясогузка среди пернатых – меньше

²⁹ *Непобедимая армада* – военный испанский флот из приблизительно ста тридцати кораблей, собранный Испанией для вторжения в Англию во время Англо-испанской войны (1585–1604).

³⁰ Изобретение Джероламо Кардано (см. сноску 7), масляная лампа с автоматической подачей масла.

всех и смелей всех: усевшись на камыш, трясогузка только слегка пригибает его, а вспорхнув – может перелететь через океан.

Бискайские урки, даже самые бедные, были позолочены и раскрашены. Такая татуировка в духе басков, этого очаровательного, но несколько дикого народа. Чудесные краски Пиренейских гор, покрытых белым снегом и зелеными пастбищами, пробуждают в их обитателях неодолимую страсть ко всякого рода украшениям. Баски великолепны в своей нищете: над входом в их хижины намалеваны гербы; у них есть крупные ослы, которых они увешивают бубенцами, и рослые быки, которым они сооружают головной убор из перьев; их телеги, за две мили дающие знать о себе скрипом колес, всегда ярко расписаны, покрыты резьбой и убраны лентами. Над дверью башмачника – барельеф, высеченный из камня: изображение святого Крепина³¹ и башмака. Их куртки обшиты кожаным галуном, на изношенной одежде вместо заплат вышивка. Даже в минуты самого искреннего веселья баски величавы. Они, подобно грекам, – дети солнца. В то время как сумрачный сын Валенсии набрасывает на голое тело рыжую шерстяную хламиду с отверстием для головы, жители Галисии и Бискайи наряжаются в красивые рубашки из выбеленного росой холста. Из-за маисовых гирлянд в окнах и на порогах их хижин приветливо выглядывают белокурые головки и свежие личики. Жизнерадостная и гордая ясность духа находит свое отражение в их незамысловатом искусстве, в ремеслах, в обычаях, в нарядах их девушек, в их песнях. Каждая гора, эта исполинская громада, в Бискайе насквозь пронизана светом: солнечные лучи проникают во все ее расщелины. Суровый Хаискивель – сплошная идиллия. Бискайя – краса Пиренеев, как Савойя – краса Альп. В опасных бухтах, близ Сан-Себастьяна, Лесо и Фуэнтарабии, в бурную погоду, под небом, затянутым тучами, среди всплесков пены, перехлестывающей через скалы, среди яростных волн и воя ветра, среди ужаса и грохота можно увидеть лодочниц-перевозчиц в венках из роз. Кто хоть раз видел Страну Басков, тот захочет увидеть ее вновь. Благословенный край! Две жатвы в год, веселые, шумные деревни, горделивая бедность; по воскресеньям целый день звон гитар, пляска, кастаньеты, любовь, опрятные светлые хижины да аисты на колокольнях.

Но возвратимся в Портленд, к неприступной морской скале.

Полуостров Портленд на карте имеет вид птичьей головы, обращенной клювом к океану, а затылком к Уэймету; перешеек кажется горлом.

В наши дни Портленд, в ущерб своей первобытной прелести, стал промышленным центром. В середине XVIII века на берегах Портленда появились каменоломни и печи для обжигания гипса. С той поры из портлендского мергеля вырабатывают так называемый романский цемент – весьма полезное производство, которое обогащает страну, но уродует ландшафт. Двести лет назад скалистые берега залива подмывало только море, теперь же их разрушает рука каменолома; волна отхватывает целые пласты, кирка откалывает лишь небольшие куски; пейзаж от этого сильно проигрывает. На смену величественному разгулу океана пришел кропотливый труд человека. Этот труд уничтожил маленькую бухту, в которой стояла на причале бискайская урка. Следы этой разрушенной гавани надо искать на восточном берегу полуострова, у самой его оконечности, по ту сторону Фолли-Пира и Дердл-Пайера, и даже дальше Уэкхема, между Черч-Хопом и Саутвелем.

Бухта, сжатая со всех сторон высокими отвесными берегами, намного превосходящими ее по размерам, с каждой минутой погружалась в темноту; туман, обычно подымающийся к ночи, все сгущался; становилось темно, как в глубоком колодце; узкий выход из бухты в море выделялся беловатой полоской на фоне ночного сумрака там, где мерно плескался прибой. Только подойдя совсем близко, можно было заметить урку, причалившую к прибрежным скалам и как бы укрывшуюся огромным плащом отбрасываемой ими тени. С берегом ее соединяла доска, перекинутая на низкий и плоский выступ утеса – единственное место, куда можно

³¹ Святой Крепин – покровитель сапожников.

было поставить ногу; по этому шаткому мостику сновали во мраке черные фигуры, очевидно готовясь к отплытию.

Благодаря скале, возвышавшейся в северной части бухты и игравшей роль заслона, здесь было теплее, чем в открытом море; тем не менее люди дрожали. Они торопились.

В сумерках очертания предметов кажутся как бы изваянными резцом. Можно было ясно различить лохмотья, служившие одеждой отъезжающим и свидетельствовавшие о том, что их обладатели принадлежат к разряду населения, именуемого в Англии *the ragged*, то есть оборванцами.

На фоне скалы смутно виднелись извивы узкой тропинки. Девушка, небрежно бросившая на спинку кресла корсет, длинные шнурки которого петлями спускаются до полу, сама того не подозревая, воспроизводит извивы горных троп. К площадке, на которую была перекинута доска, вела зигзагами такая тропинка, скорее пригодная для коз, чем для человека. Дороги в

скалах своею крутизной способны испугать пешехода; с них легче скатиться, чем сойти; это не спуски, а обрывы. Тропинка, о которой идет речь, по всей вероятности, была ответвлением какой-нибудь дороги, пролегавшей по равнине, но шла так отвесно, что на нее страшно было смотреть. Снизу было видно, как она ползет змеей к вершине утеса, а оттуда, через осыпи и через расщелину в скале, выбирается на верхнее плато. Должно быть, по этой тропе спустились люди, которых урка ожидала в бухте.

Кроме людей, торопливо готовившихся к отплытию, несомненно под влиянием страха или тревоги, в бухте никого не было; вокруг царили тишина и спокойствие. Не слышно было ни шагов, ни голосов, ни дуновения ветра. По ту сторону рейда, у входа в Рингстедскую бухту, можно было с трудом разглядеть флотилию судов для ловли акул, сбившуюся, по всей видимости, с дороги. Прихотью моря эти полярные суда пригнало сюда из датских вод. Северные ветры иногда подшучивают таким образом над рыбаками. Суда эти укрылись в Портлендской гавани, что было признаком надвигающейся непогоды и опасности, грозившей в открытом море. Они намеревались стать на якорь. На однообразно белесом море четко выступал черный силуэт головного судна, стоявшего, по древнему обычаю норвежских флотилий, впереди; виден был весь его такелаж, а на носу ясно можно было различить снаряды для лова акул: всякого рода багры и гарпуны, предназначенные для охоты на *seymnus glacialis*, *squalus acanthias* и на *squalus spinax niger*³², а также неводы для лова исполинской акулы. За исключением этих судов, сбившихся в одном углу гавани, на всем обширном горизонте Портленда не было ни души. Ни жилого строения, ни корабля. Побережье в ту пору было еще необитаемо, рейд в это время года обычно пустовал.

Однако, что бы ни сулила им непогода, люди, собиравшиеся отчалить на бискайской урке, судя по всему, и не думали откладывать свой отъезд. Они копошились на берегу и озабоченно, растерянно сновали взад и вперед. Отличить их друг от друга было трудно. Нельзя было и рассмотреть, стары они или молоды. Вечерние сумерки затушевали, заволокли их фигуры. Тень маской легла на лица. Во мраке вырисовывались только силуэты. Их было восемь, в том числе, вероятно, одна или две женщины, но они почти не отличались от мужчин: жалкие лохмотья, в которые все они были закутаны, не походили ни на мужскую, ни на женскую одежду. Отрепья не имеют пола.

Среди этих движущихся силуэтов был один поменьше. Он мог принадлежать карлику или ребенку.

Это был ребенок.

II Брошенный

Присмотревшись поближе, можно было заметить следующее.

Все эти люди в длинных плащах с капюшонами, рваных, заплатанных, но очень широких, закрывавших их в случае необходимости до самых глаз, одинаково защищавших и от непогоды, и от любопытных взоров. Плащи ничуть не стесняли их быстрых движений. У большинства вокруг головы был повязан платок – испанский головной убор, из которого потом образовалась чалма. В Англии этот убор не был редкостью. В ту пору Юг был в моде на Севере. Быть может, это происходило оттого, что Север побеждал Юг; восторжествовав над ним, он приносил ему дань восхищения. После разгрома Армады кастильское наречие стало считаться изысканнейшим языком при дворе Елизаветы. Говорить по-английски в покоях королевы Англии было почти неприличным. Перенимать хотя бы отчасти нравы тех, для кого победитель-варвар стал законодателем, вошло в обычай по отношению к побежденному народу более высокой

³² Латинские названия разных видов акул.

культуры; монголы внимательно присматривались к китайцам и подражали им. Вот почему и кастильские моды проникли в Англию, зато английские товары проложили себе дорогу в Испанию.

Один мужчина из группы, готовившейся к отплытию, по-видимому, был главарем. Он был обут в альпаргаты; его рваная одежда была разукрашена золотым галуном, а жилет, расшитый крупными блестками, отсвечивал из-под плаща, как рыбе брюхо. У другого широкополая шляпа, вроде сомбреро, была надвинута на самые глаза. В шляпе не было обычного отверстия для трубки; это указывало, что владелец ее – человек ученый.

Куртка взрослого человека может служить ребенку плащом; по этой причине ребенок был закутан поверх отрепьев в матросскую парусиновую куртку, доходившую ему до колен. Судя по росту, это был мальчик лет десяти-одиннадцати. Он был бос.

Экипаж урки состоял из владельца судна и двух матросов.

Урка, по всей вероятности, пришла из Испании и возвращалась туда же. Совершая рейсы между двумя странами, она, несомненно, делала какое-то таинственное дело.

Люди, собиравшиеся отплыть, переговаривались между собой шепотом.

Изъяснялись они на какой-то сложной смеси наречий. То слышалось испанское слово, то немецкое, то французское, порою – валлийское, порою – баскское. Это был язык простонародья, если не воровской жаргон.

Казалось, они принадлежали к разным нациям, но были членами одной шайки.

Экипаж судна, по всей видимости, состоял из их сообщников, и он принимал живое участие в приготовлениях к отплытию.

Этот разношерстный сброд можно было принять и за тесную приятельскую компанию, и за шайку соумышленников.

Будь немного светлее, можно было бы, взглядевшись пристальней, заметить на этих людях четки и ладанки, наполовину скрытые лохмотьями. У одной из фигур, в которой угадывалась женщина, четки почти не уступали по величине зернам четок дервиша; в них нетрудно было узнать ирландские четки, какие носят в Ланимтефри, называемом также Ланандифри.

Если бы не темнота, можно было бы еще увидеть на носу урки позолоченную статую Богородицы с младенцем на руках. Это была, вероятно, баскская Мадонна, нечто вроде панатгии древних кантабров³³. Под скульптурой, заменявшей обычное украшение на носу корабля, висел еще не зажженный фонарь; эта предосторожность свидетельствовала о том, что люди хотели укрыться от посторонних взоров. Фонарь, вероятно, имел двойное назначение: когда его зажигали, он горел вместо свечи перед изображением Богородицы и в то же время освещал море – он был и судовым фонарем, и церковным светильником.

Длинный, изогнутый, острый водорез, начинавшийся сразу под бушпритом, полумесяцем выдавался вперед. Над водорезом, у ног Богородицы, прислонившись к форштевню, стоял коленопреклоненный ангел со сложенными крыльями и смотрел на горизонт в подзорную трубу. Ангел был позолочен, так же как и Богородица.

В водорезе были проделаны отверстия и просветы, через которые проходила ударявшая волна; это послужило еще одним поводом украсить его позолотой и арабесками.

Под изображением Богородицы прописными золотыми буквами было выведено название судна: «Матутина», но его нельзя было прочесть из-за темноты.

У подножия утеса, сваленный как попало, лежал груз, который увозили с собою эти люди; по доске, служившей сходней, они быстро переплавляли его с берега на судно. Мешки с сухарями, бочонок соленой трески, ящик с сухим бульоном, три бочки – одна с пресной водой, другая с солодом и третья со смолой, – четыре или пять больших бутылей эля, старый, затяну-

³³ *Панатгия* – небольшая икона с изображением Богородицы. В древние времена так называли всякую емкость для ношения святыни. *Кантабры* – племена, населявшие северное побережье Испании.

тый ремнями дорожный мешок, сундуки, баулы, тюк пакли для факелов и световых сигналов – таков был этот груз. У оборванцев были чемоданы, и это указывало на то, что они вели кочевой образ жизни. Бродяги вынуждены иметь кое-какой скарб; они порою и рады бы упорхнуть, как птицы, но им страшно остаться без средств к пропитанию. Каков бы ни был их кочевой промысел, им приходится всюду таскать с собой орудия своего ремесла. И эти люди тоже не могли расстаться со своими пожитками, уже не раз служившими им помехой.

Им, вероятно, нелегко было перенести ночью свой груз от подножия скалы. Однако они это сделали, что доказывало решение немедленно покинуть эти края.

Они не теряли времени: шло непрерывное движение с судна на берег и с берега на судно; все принимали участие в погрузке: один тащил мешок, другой – ящик. Женщины – если они здесь были (об этом можно было только догадываться) – работали, как и все остальные. Ребенка обременяли непосильной ношей.

Сомнительно, чтобы у ребенка были среди этих людей отец и мать. Никто к нему не обращался. Его заставляли работать – и только. Он производил впечатление не ребенка в своей семье, а раба среди чуждого ему племени. Он помогал всем, но никто с ним не заговаривал.

Впрочем, мальчик тоже торопился и, подобно всей темной шайке, к которой он принадлежал, казалось, был поглощен одной мыслью – поскорее уехать. Отдавал ли ребенок себе отчет в происходившем? Вероятно, нет. Он торопился бессознательно, видя, как торопятся другие.

Урка была палубным судном. Всю кладь быстро уложили в трюм, пора было выходить в открытое море. Последний ящик был поднят на палубу, оставалось погрузить людей. Двое из них, чем-то напоминавшие женщин, уже были на борту; шестеро, в том числе и ребенок, находились еще на нижнем уступе скалы. На судне началась суeta, предшествующая отплытию; владелец урки взялся за руль, один из матросов схватил топор, чтобы обрубить причальный канат. Рубить канат – признак спешки: когда есть время, канат отвязывают. *Andamos*³⁴, – вполголоса произнес один из шести, одетый в лохмотья с блестками, как видно – главарь. Ребенок стремительно кинулся к доске, чтобы взбежать первым. Но не успел он поставить на нее ногу, как к доске ринулись двое мужчин, едва не сбросив его в воду; за ними, отстранив ребенка плечом, прыгнул третий, четвертый оттолкнул его кулаком и последовал за третьим, пятый – это был главарь – одним прыжком очутился на борту и каблуком спихнул доску в воду; взмахнув топором, обрубили причал, руль повернулся, судно отчалило от берега – и ребенок остался на суше.

III Один

Ребенок замер на скале, пристально глядя им вслед. Он даже не крикнул. Никого не позвал на помощь. Все, что произошло, было для него неожиданностью, но он не проронил ни звука. На корабле тоже царил молчание. Ни единого вопля не вырвалось у ребенка вслед этим людям, ни одного слова не сказали эти люди ему на прощанье. Обе стороны молча мирились с тем, что расстояние между ними возрастало с каждой минутой. Это напоминало расставание теней на берегу Стикса. Ребенок, словно пригвожденный к скале, которую уже начал омыwać прилив, смотрел на удалявшееся судно. Можно было подумать, что он понимает. Что именно? Что понимал он? Непостижимое.

Мгновение спустя урка достигла пролива, служившего выходом из бухты, и вошла в него. На светлом фоне неба, над раздавшимися скалистыми массивами, между которыми, как между двумя стенами, извивался пролив, еще виднелась верхушка мачты. Некоторое время она сколь-

³⁴ Идем (исп.).

зила над скалами, затем, точно врезавшись в них, пропала из виду. Все было кончено. Урка вышла в море.

Ребенок следил за ее исчезновением.

Он был удивлен, он что-то обдумывал.

К чувству недоумения, которое он испытывал, присоединилось мрачное сознание действительности. Казалось, это существо, лишь недавно вступившее в жизнь, уже обладает опытом. Быть может, в нем пробуждался судья? Иногда, под влиянием слишком ранних испытаний, в тайниках детской души возникает нечто вроде весов, грозных весов, на которых эта беспомощная душа взвешивает деяния Бога.

Не сознавая за собой никакой вины, он безропотно принял совершившееся. Ни малейшей жалобы. Безупречный не упрекает.

Неожиданное изгнание, которому его подвергли, не вызвало у него ни одного движения. Внутренне он словно окаменел. Но ребенок не склонился под неожиданным ударом судьбы, как будто желавшей положить конец его существованию на заре жизни. Он мужественно вынес удар.

Всякому, кто увидел бы изумление ребенка, в котором не было ничего общего с отчаянием, стало бы ясно, что среди этих бросивших его людей никто не любил его и никто не был им любим.

Погруженный в раздумье, он забыл про стужу. Вдруг волной ему залило ноги: нарастал прилив; холодное дыхание коснулось его волос; поднимался северный ветер. Он вздрогнул. Дрожь охватила его с ног до головы – он очнулся.

Он посмотрел вокруг.

Он был один.

До этого дня для него во всем мире не существовало других людей, кроме тех, которые в эту минуту находились на урке. Эти люди только что скрылись.

Добавим, что, как это ни странно, единственные люди, которых он знал, были ему неизвестны.

Он не мог бы сказать, кто они такие.

Его детство протекло среди них, но он не ощущал, что принадлежит к их среде. Он жил бок о бок с ними, только и всего.

Теперь они покинули его.

Лохмотья едва прикрывали его тело, у него не было ни денег, ни обуви, в кармане – ни куска хлеба.

Стояла зима. Был вечер. Чтобы добраться до человеческого жилья, надо было пройти несколько лье.

Ребенок не знал, где он.

Он ничего не знал, кроме того, что люди, пришедшие с ним на берег моря, уехали без него.

Он почувствовал себя выброшенным из жизни.

Он почувствовал, что теряет мужество.

Ему было десять лет.

Ребенок был в пустыне, между бездной, откуда поднималась ночь, и бездной, откуда доносился рокот волн.

Он поднял худые ручонки, потянулся и зевнул.

Затем резким движением, как человек, сделавший окончательный выбор, он стряхнул с себя оцепенение и с проворством белки или, быть может, клоуна повернулся спиной к бухте и смело стал карабкаться вверх по скале. Он взобрался по тропинке, сошел с нее и снова на нее вернулся, полный решимости. Он торопился теперь уйти отсюда. Можно было подумать, что у него есть определенное намерение. Между тем он сам не знал, куда идет.

Он спешил без цели; это было бегство от судьбы.

Человеку свойственно подниматься, животному – карабкаться; ребенок и поднимался и карабкался. Портлендские скалы своими отвесными склонами обращены к югу, и на тропинках почти совсем не было снега. Однако сильный мороз превратил этот снег в ледяную пыль, идти было скользко. Но ребенок продолжал идти. Надетая на нем куртка взрослого человека была ему слишком широка и стесняла движения. Он часто натыкался на обледенелые бугры или попадал в расщелины утеса и падал. Иногда он повисал над пропастью, уцепившись за сухую ветку или за выступ скалы. Один раз он ступил на выветрившийся камень; камень внезапно осыпался, увлекая его за собой. Такие обвалы довольно опасны. Несколько секунд ребенок скользил вниз, как черепица по крыше; он скатился до самого края пропасти и спасся только тем, что вовремя ухватился за кустик сухой травы. Он не вскрикнул при виде бездны, как не вскрикнул, увидев, что люди бросили его; он собрался с силами и снова молча стал карабкаться вверх. Склон был очень высок. Ребенку опять пришлось преодолевать такие же препятствия. В темноте пропасть казалась бездонной. Отвесной скале не было конца. Она как будто все отступала, исчезая где-то вверху. По мере того как он поднимался, утес, казалось, вырастал. Продолжая карабкаться, ребенок вглядывался в черную вершину, точно преграда стоявшую между ним и небом. Наконец он достиг ее.

Он прыгнул на площадку. Можно было бы сказать: он ступил на землю, ибо он выбрался из бездны.

Едва он очутился наверху, как его охватила дрожь. Точно острое жало ночи, почувствовал он на своем лице ледяное дыхание зимы. Дул резкий северо-западный ветер. Ребенок плотнее запахнул на груди парусиновую матросскую куртку.

Это была хорошая, плотная одежда. Моряки называют ее «непромокайкой», потому что такая куртка не боится дождя.

Добравшись до верхней площадки, ребенок остановился; он твердо стал босыми ногами на мерзлую почву и огляделся.

Позади него – море, впереди – земля, над головою – небо.

Но небо было беззвездно. Густой туман скрывал от глаз небесный свод.

С вершины утеса он увидел землю и стал всматриваться в даль. Перед ним расстилалось бескрайнее, плоское, обледенелое, покрытое снегом плоскогорье. Кое-где вздрагивали на ветру кустики вереска. Ни следа дороги. Ничего. Не было даже хижины пастуха. Кружились спирали снежной пыли, вихрем уносившейся ввысь. Волнообразная гряда холмов, пропадая в тумане, сливалась с горизонтом. Огромная голая равнина исчезала в белесой мгле. Глубокое безмолвие. Все вокруг казалось беспредельным и молчало, как могила.

Ребенок обернулся к морю.

Море, как и земля, было сплошь белое: земля – от снега, море – от пены. Трудно представить себе что-либо более печальное, чем отсветы, порожденные этой двойной белизной. Световые эффекты ночного пейзажа отличаются порой удивительной четкостью: море казалось стальным, утесы – изваянными из черного дерева.

С высоты, где находился ребенок, Портлендский залив, тускло мерцавший среди полукружия утесов, имел почти тот же вид, что и на географической карте; было нечто фантастическое в этой ночной картине; она напоминала серп луны, кажущийся иногда темнее, чем охватываемый им клочок неба. На всем берегу, от одного мыса до другого, не было ни одного огонька, указывающего на близость очага, ни одного освещенного окна, ни одного человеческого жилища. Густая тьма и на земле и на небе; ни одного светильника внизу, ни одной звезды наверху. Широкая гладь залива внезапно вздымалась волнами. Ветер возмущал и морщил эту водную пелену. В заливе была еще видна уходившая на всех парусах урка.

Теперь это был черный треугольник, скользивший по бледно-свинцовой поверхности.

Вдали, в зловещем полумраке беспредельности, волновалось водное пространство.

«Матутина» быстро убегала. Она уменьшалась с каждой минутой. Нет ничего быстрее исчезновения судна в морской дали. Вскоре на носу урки зажегся фонарь – вероятно, сгущавшаяся вокруг нее темнота побудила кормчего осветить волны. Эта блестящая точка, мерцание которой заметно было издалека, сообщала что-то зловещее высокому и длинному силуэту судна. Оно было похоже на блуждающее по морю привидение в саване, со звездой в руке.

В воздухе чувствовалось приближение бури. Ребенок не отдавал себе в этом отчета, но будь на его месте моряк, он содрогнулся бы. Наступила минута того тревожного предчувствия, когда кажется, будто стихии вот-вот станут живыми существами и на наших глазах произойдет таинственное превращение ветра в ураган. Море разольется в океан, слепые силы природы обретут волю, и то, что мы принимаем за вещь, окажется наделенным душою. Кажется, что все это предстоит увидеть воочию. Вот чем объясняется наш ужас. Душа человека страшится встречи с душою Вселенной.

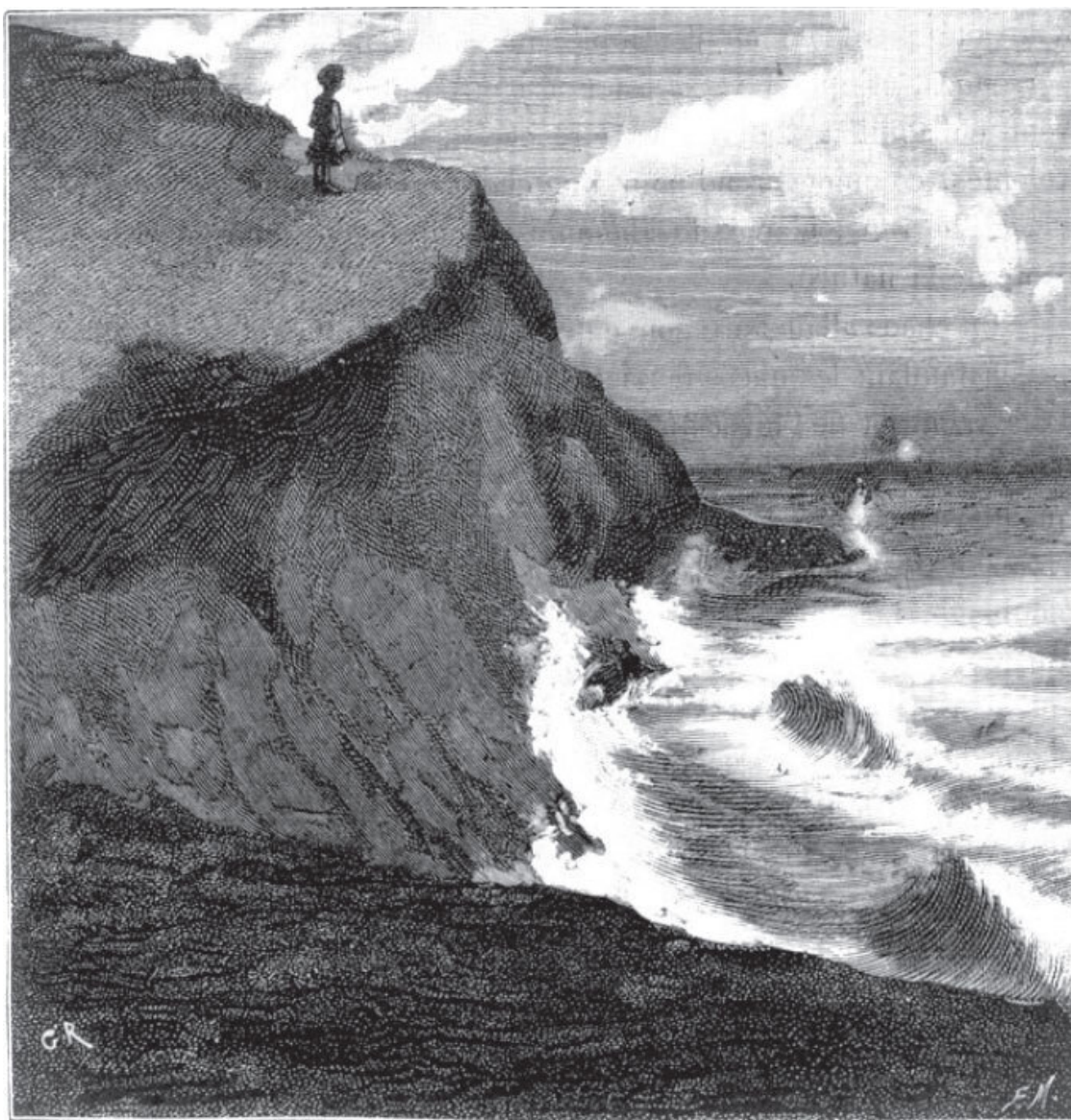
Еще минута – и все будет объято хаосом. Ветер, разгоняя туман и нагромождая на заднем плане тучи, устанавливал декорации ужасной драмы; действующими лицами этой драмы являются морские волны и зима, а сама драма называется «Снежная буря».

Уже показались предвестники бури – суда, входившие в гавань. Рейд оживился. Из-за мысов то и дело появлялись охваченные тревогой баркасы, спешившие укрыться в бухте. Одни огибали Портленд-Билл, другие – Сент-Олбанс-Хэд. Возвращались парусные суда, бывшие за чертой горизонта. Все искали убежища. На юге сгущался мрак, и тучи, чернее ночи, подступали к морю. Тяжесть нависшей над ними бури сообщала волнам угрюмое спокойствие. В такую погоду судам лучше не покидать гавани. И все же урка снялась с якоря.

Она держала курс на юг. Она уже вышла из залива и находилась в открытом море. Вдруг резкий ветер перешел в шквал, «Матутина», которая была еще хорошо видна, распустила паруса, как будто решившись воспользоваться ураганом. Налетел «норуа», когда-то носивший название «ветра галерников», норд-вест, злобный и яростный ветер. Он сразу с бешеной силой обрушился на урку. Урка, на которую он бросился сбоку, накренилась, но не замедлила хода и продолжала нестись в открытое море. Это было уже не плавание, а настоящее бегство, — видимо, море пугало меньше, чем земля, и боязнь преследования со стороны людей пересиливала страх перед неистовством шторма.

Урка, постепенно уменьшаясь в размерах, стала наконец скрываться за горизонтом; звездочка, передвигавшаяся с нею во мраке, побледнела; судно, все больше и больше сливаясь с окружающей темнотой, исчезло из виду.

На этот раз навсегда.

Ребенок понял это. Он перестал смотреть на море. Его взгляд перекинулся на равнину, на пустоши, на холмы, на расстилавшиеся перед ним пространства, где возможно было увидеть живое существо. Он пошел навстречу неизвестности.

IV Вопросы

Что же это была за шайка, которая, бросив ребенка, спасалась бегством?

Быть может, компрачикосы?

Выше мы обстоятельно изложили, какие меры принимались Вильгельмом III с одобрения парламента против преступников обоого пола, именуемых компрачикосами, компрапекенъосами и чейласами.

Некоторые законодательные акты вызывают настоящую панику. Закон, направленный против компрачикосов, обратил в повальное бегство не только их самих, но и всякого рода бродяг. Они наперебой спешили скрыться, покинув берега Англии. Большинство компрачикосов вернулись в Испанию. Среди них, как мы уже упоминали, было много басков.

Закон, взявший под свою защиту детей, имел на первых порах довольно странные последствия: сразу же возросло число брошенных детей.

Немедленно после обнародования этого уголовного статута появилось много найденных, то есть покинутых детей. Дело объяснялось весьма просто. Всякая бродячая шайка, в которой был ребенок, навлекала на себя подозрения, уже самый факт наличия ребенка становился уликой против нее. «Это, по всей вероятности, компрачикосы» – такова была первая мысль, приходившая в голову шерифу, провосту, констеблю. Затем начинались аресты и допросы. Обыкновенные нищие, которых нужда заставляла скитаться и просить подаяния, дрожали от страха, что их могут принять за компрачикосов, хотя они не имели с ними ничего общего; но бедняк никогда не огражден от возможных ошибок правосудия. Кроме того, бродячие семьи живут в постоянной тревоге. Компрачикосов обвиняли в том, что они промышляют покупкой и продажей чужих детей. Но нищета и сопряженные с нею бедствия создают иногда условия, при которых отцу и матери бывает трудно доказать, что ребенок, находящийся при них, – их родное дитя. Откуда у вас этот ребенок? Как доказать, что он – твой? Иметь при себе ребенка становилось опасно – от него старались отделаться. Бежать без него было гораздо легче. Взвесив все, отец и мать оставляли ребенка в лесу или на берегу моря, а то и просто бросали его в колодезь.

В водоемах находили утопленных детей.

Прибавим, что компрачикосов, по примеру Англии, стали преследовать по всей Европе. Первый толчок к гонению на них был дан. Во всяком деле главное – почин. Теперь полиция всех стран стала состязаться в погоне за компрачикосами; испанские альгвасилы выслеживали их с неменьшим рвением, чем английские констебли. Всего двадцать три года назад можно было прочесть на камне у ворот Отеро неудобопереводимую надпись – закон в выборе выражений не стесняется, – из которой явствовало, что в отношении кары между покупателями и похитителями детей проводилась резкая грань. Вот эта надпись на несколько варварском кастильском наречии: *Aquí quedan las orejas de los comprachicos, y las bolsas de los robaniños, mientras que se van ellos al trabajo de mar.*

Мы видим, что отрезание ушей и прочее отнюдь не избавляло от ссылки на галеры. Такие меры вызвали паническое бегство всякого рода бродяг. Они удирали в испуге и добирались до места назначения, дрожа от страха. На всем побережье Европы прибывающих беглецов выслеживала полиция. Ни одна шайка не желала везти с собой ребенка, потому что высадиться с ним было делом опасным.

Гораздо легче было сбыть ребенка с рук.

Кем же был покинут ребенок, которого мы только что видели на сумрачном пустынном берегу Портленда?

Судя по всему, компрачикосами.

V

Дерево, изобретенное людьми

Было, вероятно, около семи часов вечера. Ветер стихал – признак того, что он скоро должен был снова усилиться. Ребенок находился на краю плоскогорья южной оконечности Портленда.

Портленд – полуостров. Но ребенок не знал, что такое полуостров, и даже не слышал слова «Портленд». Он знал одно: что можно идти до тех пор, пока не свалишься. Представление об окружающем служит нам вожатым; у ребенка не было этого представления. Они привели его сюда и бросили здесь. *Они* и *здесь* – в этих двух загадочных словах заключалась вся его судьба: *они* – это был весь человеческий род, *здесь* – вся Вселенная. Здесь, в этом мире, у него не было никакой точки опоры, кроме клочка земли, по которому ступали теперь его босые ноги, –

земли каменистой и холодной. Что ожидало его в огромном сумрачном мире, открытом всем ветрам? Ничто.

Он шел навстречу этому Ничто.

Вокруг него была беспредельная пустыня.

Он пересек по диагонали первую площадку, затем вторую, третью... В конце каждой площадки ребенок наталкивался на обрыв; спуск бывал иногда очень крутым, но всегда коротким. Высокие голые плато оконечности Портленда похожи на огромные плиты, наложенные одна на другую, подобно ступеням лестницы; с южной стороны край каждой плиты как бы уходит под верхнее плато, а с северной – он нависает над нижним. Эти уступы ребенок преодолевал без труда. Время от времени он замедлял шаг и, казалось, советовался сам с собою. Становилось все темнее, пространство, на котором можно было что-то различить, все сокращалось, и теперь ребенок видел не дальше чем на несколько шагов.

Вдруг он остановился, прислушался, еле заметно с удовлетворением кивнул головой, быстро повернулся и направился к небольшой возвышенности, смутно вырисовывавшейся справа, в том конце равнины, который примыкал к скале. На этой возвышенности виднелись смутные очертания чего-то, казавшегося в тумане деревом. Оттуда доносился шум, не похожий ни на шум ветра, ни на шум моря. Это не был также и крик животного. Ребенок решил, что там кто-то есть.

Сделав несколько шагов, он очутился у подножия холма.

Там действительно кто-то был.

То, что издали смутно виднелось на вершине холма, теперь вырисовывалось вполне отчетливо.

Это было нечто, похожее на огромную руку, торчавшую прямо из земли. Кисть руки была согнута в горизонтальном направлении, вытянутый вперед указательный палец подпирался снизу большим. Мнимая рука с указательным и большим пальцем приняла на фоне неба очертания угломера. От того места, где соединялись эти странные пальцы, свешивалось что-то вроде веревки, на которой болтался черный бесформенный предмет. Веревка, раскачиваемая ветром, издавала звук, напоминавший звон цепей.

Этот звук и слышал ребенок.

Вблизи веревка оказалась цепью, как и можно было предположить по ее лязгу, – корабельной цепью из крупных стальных звеньев.

В силу таинственного закона слияния впечатлений, который во всей природе как бы наслаивает кажущееся на действительное, все здесь – место, время, туман, мрачное море, смутные образы, возникавшие на самом краю горизонта, – сочеталось с этим силуэтом и сообщало ему чудовищные размеры.

Бесформенный предмет, висевший на цепи, имел сходство с футляром. Он был спеленут, как младенец, но по длине равнялся взрослому человеку. В верхней части его виднелось что-то круглое, вокруг чего обвивался конец цепи. Внизу футляр был разодран, и из него торчали лишенные мяса кости.

Легкий ветерок колыбал цепь, и то, что висело на ней, тихо покачивалось из стороны в сторону. Эта безжизненная масса подчинялась малейшим колебаниям воздуха; в ней было нечто, внушавшее панический страх; ужас, обычно изменяющий действительные пропорции предмета, скрадывал его истинные размеры, сохраняя лишь его контуры; это был стусок мрака, принявший очертания; тьма была кругом, тьма была внутри; она вобрала в себя нарастающую вокруг нее могильную жуть; сумерки, восходы луны, исчезновения созвездий за утесами, сдвиги воздушных пространств, тучи, роза ветров – все в конце концов вошло в состав этого призрака; обрубок, висевший в воздухе, своим безличием походил на морскую даль и на небо, а мрак поглотил последние черты того, что было некогда человеком.

Это было нечто, ставшее ничем.

Превратиться в останки – для обозначения этого состояния в человеческом языке нет слов. Не жить и вместе с тем продолжать существовать, находиться в бездне и в то же время вне ее, умереть и не быть поглощенным смертью, – во всем этом, несмотря на несомненную реальность, есть что-то неестественное и потому невыразимое. Это существо – можно ли было назвать его существом? – этот черный призрак был останками, и притом останками ужасающими. Останками чего? Прежде всего природы, а затем общества. Это было ничто и все.

Он находился здесь во власти безжалостных стихий. Глубокое забвение пустыни окружало его. Он был оставлен на произвол неведомого. Он был беззащитен против мрака, который делал с ним все, что хотел. Он должен был терпеть все. И он терпел. Ураганы обрушивались на него. Мрачная задача, выполняемая ветрами!

Призрак был добычей всех разрушительных сил. Его обрекли на чудовищную участь – разлагаться под открытым небом. Для него не существовало закона погребения. Он подвергся уничтожению, но не обрел вечного покоя. Летом он покрывался слоем пыли, осенью обрастал корою грязи. Смерть должна быть прикрыта покровом, могила – стыдливостью. Здесь не было стыдливости, не было покрова. Гниение, цинично открытое взору каждого. Есть что-то бесстыдное в зрелище смерти, орудующей на глазах у всех. Она наносит оскорбление безмятежному спокойствию небытия, работая вне своей лаборатории – вне могилы.

Труп был выпотрошен. Выпотрошить останки – какой страшный приговор! В его костях уже не было мозга, в его животе не было внутренностей, в его гортани не было голоса. Труп – это карман, который смерть выворачивает и опустошает. Если у него и было когда-то свое «я», где оно теперь? Быть может, еще здесь, – страшно подумать. Что-то, витающее вокруг чего-то, прикованного к цепи. Можно ли представить себе во мраке образ более скорбный?

На земле существуют явления, открывающие путь к неведомому; мысль ищет выхода в этом направлении, и сюда же устремляется гипотеза. Догадка имеет свое *compelle intrare*³⁵. В иных местах и перед иными предметами мы невольно останавливаемся в раздумье и пытаемся проникнуть в их сущность. Иногда мы наталкиваемся на полуоткрытую неосвещенную дверь в неведомый мир. Кого не навел бы на размышления вид этого мертвеца?

Огромная сила распада бесшумно подтачивала труп. В нем была кровь – ее выпили, на нем была кожа – ее изглодали, было мясо – его растащили по кускам. Ничто не прошло мимо, не взяв у него чего-нибудь. Декабрь позаимствовал у него холод тела, полночь – ужас, железо – ржавчину, чума – миазмы, цветок – запахи. Его медленное разложение было пошლიной, которую труп платил шквалу, дождю, росе, пресмыкающимся, птицам. Все темные руки ночи обшарили этого мертвеца.

Это был странный обитатель ночи. Он находился на холме среди равнины, и в то же время его там не было. Он был доступен осязанию и вместе с тем не существовал. Он был тенью, дополнявшей ночную тьму. Когда угасал дневной свет, он зловеще сливался со всем окружающим в беспредельном безмолвии ночи. Одно его присутствие здесь усиливало мрачную ярость бури и спокойствие звезд. Все то невыразимое, что есть в пустыне, было, как в фокусе, сосредоточено в нем. Жертва неведомого рока, он усугублял собою угрюмое молчание ночи. Его тайна смутно отражала в себе все, что есть загадочного в мире.

Близ него чувствовалось как бы убывание жизни, уходящей куда-то в бездну. Все в окружавшем его пространстве утрачивало спокойствие и уверенность в себе. Трепет кустарников и трав, безнадежная грусть, мучительная тревога, которая, казалось, находила свое оправдание, – все трагически сближало пейзаж с черной фигурой, висевшей на цепи. Присутствие призрака в поле зрения отягчает одиночество.

Он был лишь призраком. Колблемый никогда не утихавшими ветрами, он был неумолим. Вечная его дрожь вселяла ужас. Он казался – страшно вымолвить – средоточием окру-

³⁵ Заставь войти (лат.).

жавшего пространства и служил опорой чему-то необъятному. Чему? Как знать? Быть может, той неясно сознаваемой и оскорбляемой нами справедливости, которая выше нашего правосудия. В его пребывании вне могилы была месть людей и его собственная месть. В этой сумрачной пустыне он выступал как грозный свидетель. Он был зловещей формой материи, ибо материя, перед которой дрожат люди, – это оболочка отлетевшей души. Вызывает в нас тревогу та мертвая материя, которая была некогда одухотворена. Он обличал закон земной перед лицом закона небесного. Повешенный здесь людьми, он ожидал Бога. Над ним, принимая расплывчато-извилистые очертания туч и волн, реяли исполинские видения мрака.

За призраком стояла какая-то непроницаемая, роковая преграда. Мертвеца окружала беспредельность, не оживляемая ничем: ни деревом, ни кровлей, ни прохожим. Когда перед нашим взором смутно возникают тайны бытия – небо, бездна, жизнь, могила, вечность, – все сущее воспринимается нами как нечто недоступное, запретное, огражденное от нас стеной. Когда разверзается бесконечность, все двери в мир оказываются запертыми.

VI

Битва смерти с ночью

Ребенок стоял перед непонятным силуэтом, безмолвно, удивленно, пристально глядя на него.

Для взрослого человека это была бы виселица, для ребенка это было привидение. Там, где взрослый увидел бы труп, ребенок видел призрак.

Он ничего не понимал.

Бездна таит в себе все разновидности приманок; одна из них находилась на вершине этого холма. Ребенок сделал шаг-другой. Он стал взбираться выше, испытывая желание спуститься, и приблизился, желая отступить назад.

Весь дрожа, он в то же время решительно подошел к виселице, чтоб получше рассмотреть призрак. Очутившись под виселицей, он поднял голову и стал внимательно разглядывать его.

Призрак был покрыт смолой и местами блестел. Ребенок различал черты лица. Оно тоже было обмазано смолой, и эта маска, казавшаяся липкой и вязкой, четко выступала в сумраке ночи. Ребенок видел дыру на том месте, где прежде был рот, дыру на месте носа и две черные ямы на месте глаз. Тело было как бы запеленато в грубый холст, пропитанный нефтью. Ткань истлела и расплзлась. В одном месте обнажилось колено. В другом – видны были ребра. Одни части тела были еще трупом, другие – уже стали скелетом. Кожа была землистого цвета, ползавшие по лицу слизняки оставили на нем тусклые серебристые полосы. Под холстом, прилипшим к костям, обрисовывались выпуклости, как под платьем на статуе. Череп треснул и, распавшись надвое, напоминал собою гнилой плод. Зубы остались целы и скалились в подобии смеха. В зияющей дыре рта, казалось, замер последний крик. На щеках сохранилось несколько волосков бороды. Голова, наклоненная вниз, как будто к чему-то прислушивалась.

Труп, по-видимому, недавно подновляли. Лицо было заново вымазано смолой, так же как и выступавшие из прорех колено и ребра. Внизу из-под холста торчали обглоданные ступни. Прямо под ними, в траве, видны были два башмака, утратившие форму от снега и дождя. Они свалились с ног мертвеца.

Босой ребенок смотрел на эти башмаки.

Ветер то становился еще злее, то внезапно спадал, как будто собирался с силами, чтобы разразиться бурей; на несколько минут он даже совсем стих. Труп уже не качался. Цепь висела неподвижно, как шнурок отвеса с гирькой на конце.

Как у всякого существа, только что вступившего в жизнь, но отдающего себе отчет в своей тяжелой участи, у ребенка, несомненно, начиналось пробуждение мучительных мыслей – мыслей еще неясных, детских, но уже пробивавших себе путь в его голове, подобно пти-

чьему клюву, долбящему скорлупу яйца; но все, чем в эту минуту было полно его младенческое сознание, повергало его лишь в оцепенение. Как излишек масла гасит огонь, так избыток ощущений гасит мысль. Взрослый задал бы себе тысячу вопросов, ребенок только смотрел.

Обмазанное смолой лицо мертвеца казалось мокрым. Капли смолы, застывшие в пустых глазницах, были похожи на слезы. Однако смола значительно замедляла разложение трупа: разрушительная работа смерти была насколько возможно задержана. То, что ребенок видел перед собой, было предметом, о котором заботились. По-видимому, человек этот представлял какую-то ценность. Его не захотели оставить в живых, но старались сохранить мертвым. Виселица была старая, вся в червоточинах, но прочная и стояла здесь уже давно.

В Англии с незапамятных времен существовал обычай смолить тела контрабандистов. Их вешали на берегу моря, обмазывали смолой и оставляли висеть; преступника, в назидание прочим, следует подвергать казни у всех на виду, и, если его просмолить, он на долгие годы будет служить остражкой. Трупы смолили из чувства человеколюбия, полагая, что благодаря этому можно будет реже обновлять повешенных. Виселицы расставляли на берегу на определенном расстоянии одна от другой, как ставят в наше время фонари. Повешенный заменял собою фонарь. Он по-своему светил своим товарищам-контрабандистам. Контрабандисты издали, еще находясь в море, замечали виселицы. Вот одна – первое предостережение, а там другая – второе предостережение. Это нисколько не мешало им заниматься контрабандой, но таков был порядок. Этот обычай продержался в Англии до начала нашего столетия. Еще в 1822 году перед Дуврским замком можно было видеть трех повешенных, облитых смолой. Впрочем, такой способ сохранения трупа преступника применялся не к одним только контрабандистам. Англия пользовалась им также по отношению к ворами, поджигателям и убийцам. Джон Пейнтер, совершивший поджог морских складов в Портсмуте, был в 1776 году повешен и засмолен. Аббат Койе, называющий Джона Пейнтера Жаном Живописцем, увидел его вторично в 1777 году. Джон Пейнтер висел на цепи над развалинами сожженных им складов, и время от времени его снова покрывали смолой. Этот труп провисел – можно бы сказать, прожил – почти четырнадцать лет. Еще в 1788 году он служил правосудию. Однако в 1790 году его пришлось заменить новым. Египтяне чтили мумии своих фараонов; оказывается, мумия простого смертного также может быть полезной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.